

ИНФОРМАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

«О СОСТОЯНИИ КОНСТИТУЦИОННОЙ ЗАКОННОСТИ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ЗА 2024 ГОД»

Конституционный суд Кыргызской Республики (далее – Конституционный суд) является высшим органом судебной власти, осуществляющим конституционный контроль посредством конституционного судопроизводства в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции Кыргызской Республики (далее – Конституция).

Конституционный суд независим от любой другой публичной власти и подчиняется только Конституции.

За Конституционным судом закреплён четко очерченный круг полномочий и свою деятельность он осуществляет согласно положениям Конституции, конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» и Регламента Конституционного суда.

По итогам рассмотрения принятых к производству обращений, Конституционный суд выносит решения и заключения, которые вступают в силу с момента их провозглашения. Они являются окончательными, обжалованию не подлежат, обязательны для всех государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, общественных объединений, юридических и физических лиц и подлежат исполнению на всей территории республики.

Юридическая сила решения Конституционного суда о признании акта неконституционным не может быть преодолена повторным принятием этого же акта. Решение Конституционного суда действует непосредственно и не требует подтверждения другими государственными органами и должностными лицами.

До приведения в соответствие с решением Конституционного суда норм законов и иных нормативных правовых актов, ставших предметом его рассмотрения, непосредственно применяются Конституция и само решение Конституционного суда, имеющее нормативный характер.

Решения и заключения Конституционного суда публикуются в официальных изданиях органов государственной власти, в «Вестнике Конституционного суда Кыргызской Республики», а также на официальном сайте Конституционного суда.

Важное значение в обеспечении конституционной законности играет порядок исполнения актов Конституционного суда. Он определен конституционным Законом «О Конституционном суде Кыргызской Республики», законами «О нормативных правовых актах» и «О Регламенте Жогорку Кенеша Кыргызской Республики».

В соответствии с конституционным Законом «О Конституционном суде Кыргызской Республики» Конституционный суд ежегодно анализирует исполнение принятых им актов и публикует для всеобщего сведения.

1. Краткий обзор поступивших обращений в Конституционный суд в 2024 году.

В 2024 году в Конституционный суд поступило 118 обращений, из которых 60 обращений касались непосредственно вопросов, связанных с проверкой конституционности нормативных правовых актов, официальным толкованием Конституции и дачей заключения на проект изменений в Конституцию.

Из общего количества обращений о конституционности нормативных правовых актов (49) 81,67% составили обращения граждан (физических лиц), обращения от государственных органов - (3) 5%, юридических лиц - (4) 6,67% и судей (4) 6,67%. При этом по 12 обращениям (21,67%) были приняты определения коллегии судей о принятии к производству, по 48 (78,33%) - отказано в принятии к производству.

Следует отметить, что в Конституционный суд стали поступать обращения в цифровом формате, что выступает позитивным подспорьем в использовании новых технологий в конституционном судопроизводстве. Так, из общего числа обращений о конституционности нормативных правовых актов три обращения от государственных органов были продублированы как на бумажных носителях, так и через систему электронного документооборота (СЭД).

Кроме того, в цифровом формате поступают обращения граждан, рассмотренные в предварительном порядке. Из 58 таких обращений три были поданы через систему «Түндүк».

Одним из основных оснований к отказу в принятии обращений к производству явилось несоответствие их форм и содержания требованиям пункта 1 части 3 статьи 30 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» (22 случая).

По 11 обращениям коллегия судей отказала в принятии к производству ввиду не подведомственности поставленных в них вопросов Конституционному суду; по 8 обращениям – из-за отсутствия в повторном обращении новых аргументов и доводов, касающихся оспариваемого нормативного правового акта. По 4 обращениям – вследствие того, что конституционность указанных в обращении вопросов ранее проверялась органом конституционного контроля и имеются его акты, сохраняющие свою силу; по 2 обращениям отказано по причине ненадлежащего субъекта; по 1 обращению – из-за отмены или утраты силы акта, конституционность которого оспаривалась в обращении.

В поступивших за указанный период обращениях, субъектами обращений чаще всего оспаривались различные нормы Уголовно-

процессуального кодекса (8), Гражданского-процессуального кодекса (7), Административно-процессуального кодекса (3) и Уголовного кодекса (7).

Конституционным судом за отчетный период принято 11 решений, а также 14 постановлений.

2. Обзор принятых решений Конституционного суда в 2024 году.

2.1. Конституционный суд своим Решением от 17 января 2024 года признал нормативное положение части 2 статьи 5, выраженное словами «за исключением случаев, предусмотренных статьей 6 настоящего Закона», и статью 6 Закона Кыргызской Республики «О государственной поддержке кинематографии Кыргызской Республики» не противоречащими части 2 статьи 10, частям 1, 2 статьи 32, части 1 статьи 33, частям 1, 2 статьи 48, части 1 статьи 63 Конституции Кыргызской Республики. *При этом были сформулированы следующие правовые позиции.*

Конституционный суд, придерживаясь норм Конституции, неоднократно в своих решениях отмечал, что право на свободу выражения своего мнения, свободу слова и печати следует рассматривать как единое и неразрывное право свободно мыслить и свободно выражать свои мысли словами, не опасаясь преследования за это со стороны государства.

В тоже время Конституционный суд не может не считаться с тем, что в настоящее время свободное выражение мнения стало одним из наиболее распространенных средств персональных коммуникаций. Если раньше частное мнение как правило было предметом обсуждения определенного окружения индивида, то сегодня в цифровой информационной среде любое мнение приобретает публичный характер и способно стать причиной нового генезиса общественного сознания, которое может иметь как положительное, так и разрушительное воздействие не только на состояние других лиц, но и общества в целом.

В такой ситуации особое значение приобретают конституционные требования о выражении каждым своего мнения ответственно и в той мере, в какой не нарушает права и свободы других лиц, установленных Конституцией и законами Кыргызской Республики. Это имеет ключевое значение в деле поддержания баланса между такими конституционными ценностями, как права и свободы личности в демократическом государстве и ее ответственное поведение в обществе. Такая правовая позиция в полной мере корреспондируется с нормами международного права.

Согласно Конституции, цензура в Кыргызской Республике не допускается. Однако любое демократическое правовое государство нуждается в системе ценностных координат, запретов и ограничений, которые обеспечат внутреннюю и внешнюю безопасность страны, стабильность государства и политического строя, соблюдение прав, свобод и интересов каждого индивида и общества в целом.

Так, в Кыргызской Республике в целях защиты подрастающего поколения мероприятия, противоречащие моральным и нравственным ценностям,

общественному сознанию народа Кыргызской Республики, могут ограничиваться законом. Перечень мероприятий, подлежащих ограничению, и перечень ограничиваемой в доступе и распространении информации устанавливаются законом.

В реализацию приведенных конституционных установлений, частью 2 статьи 5 Закона «О государственной поддержке кинематографии Кыргызской Республики» предусмотрено, что цензура аудиовизуальных произведений не допускается за исключением случаев, предусмотренных статьей 6 названного Закона.

В свою очередь, статьей 6 указанного Закона установлено, что концепция фильма не должна призывать к насильственному изменению существующего конституционного строя, нарушению суверенитета и территориальной целостности государства; к пропаганде войны, насилия и жестокости; к разжиганию национальной, этнической, расовой, социальной, религиозной вражды; к национальной или сословной исключительности, нетерпимости. Не допускается включение в фильм сцен порнографического содержания.

Приведенные конституционные установления и их реализация в обозначенном Законе обусловлены тем, что продукты кинематографии имеют особое влияние на общество и каждого его члена, выступают важным фактором формирования общечеловеческих и культурных ценностей, отражаясь на процессе становления многих поколений.

Поэтому, учитывая существенное влияние кинематографии на развитие общества в направлении большей гражданской ответственности за нравственное и духовное здоровье личности, возникает необходимость введения упреждающих мер, предусматривающих недопущение популяризации и одобрения деструктивных установок и использования данного инструмента воздействия только во благо развития личности, в том числе, не только с помощью политики допустимого ограничения свободы слова и мысли, но развития критического мышления подрастающего поколения.

Таким образом, в своей совокупности изложенные конституционные установления требуют от государства создания благоприятных условий для обеспечения свободы слова и свободного развития человека, что возможно лишь в условиях функционирования комплексного правового механизма, когда существуют не только различные формы ответственности за нарушения предусмотренных запретов, но и механизмы по их упреждению.

Иными словами, государство должно предпринимать меры по предотвращению совершения правонарушений, поскольку в рассматриваемом случае наступление установленной законом ответственности за нарушение предусмотренных оспариваемыми нормами запретов не может покрыть масштабов возможных последствий. Ввиду этого, государство несет ответственность за введение на законодательном уровне норм, содержащих меры по упреждению наступления вредных последствий.

Следует также отметить, необходимость введения таких мер вытекает не только из Конституции и обозначенного Закона, но и из международных

обязательств Кыргызской Республики, в реализацию которых национальным законодателем в различных законах введен ряд норм, предусматривающих запрет на призыв к насильственному свержению или изменению существующего конституционного строя, нарушению суверенитета и территориальной целостности Кыргызской Республики и любого иного государства, пропаганду войны, насилия и жестокости, национальной, религиозной исключительности и нетерпимости к другим народам и нациям, а также на оборот порнографических материалов (законы «О средствах массовой информации», «О рекламе» и др.).

Конституционный суд отмечает, что в рассматриваемой ситуации важное значение приобретает сохранение баланса между свободой слова и ограничением этой свободы в интересах личности, общества и государства.

Для формирования вышеуказанного баланса необходимо руководствоваться пределами прав и свобод человека, зафиксированных в самой Конституции. Это пределы осуществления лицом прав свободно искать, получать, передавать, производить и распространять массовую информацию выраженные в запретах, обязанностях, мерах ответственности, существование которых предопределено необходимостью защиты важных конституционных ценностей. Так, Конституцией установлено, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены Конституцией и законами в целях защиты национальной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения, защиты прав и свобод других лиц. Вводимые ограничения должны быть соразмерными указанным целям.

Конституционный суд отмечает, что цель такого ограничения - не допускать опубликования того или иного творческого произведения, которое представляется вредным и опасным, а поэтому нежелательным и должно пониматься как средство обеспечения безопасности личности, общества и государства.

В контексте изложенного, распространение действия оспариваемых норм, имеющее место в случаях создания аудиовизуальных произведений, если их содержание связано с игнорированием как нравственных запретов, так и запретов, направленных на предотвращение возможных призывов к насильственному изменению существующего конституционного строя, нарушению суверенитета и территориальной целостности государства; к пропаганде войны, насилия и жестокости; к разжиганию национальной, этнической, расовой, социальной, религиозной вражды; к национальной или сословной исключительности, нетерпимости, обусловлено конституционными требованиями о защите национальной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения, защиты прав и свобод других лиц.

Учитывая, что введенные ограничения не носят идеологической или же субкультурной направленности, не содержат размытых и не ясных формулировок, а, наоборот, имеют четкие очертания и определенные способы регуляции, Конституционный суд рассматривает содержание оспариваемых

нормативного положения и нормы не как цензуру, а как допустимое и соразмерное ограничение свободы слова.

В то же время необходимо отметить, что в оспариваемой норме о свободе творчества в кинематографии законодателем была допущена некорректная с точки зрения нормотворческой техники формулировка, выраженная во включении в одно нормативное положение двух разноплановых, по сути, правовых категорий, - запрета цензуры и допустимых Конституцией ограничений путем недопустимого расширения в законе конституционного предписания и придания этим ограничениям подобия неотъемлемого элемента цензуры. Отмеченные правовые категории совершенно отличны друг от друга как по природе своего происхождения, так целям и механизмам реализации.

Тем не менее, Конституционный суд считает, что правоприменение оспариваемых нормативного положения и нормы не создает юридических предпосылок для нарушения права на свободу мысли и мнения, права на выражение своего мнения, свободу слова и печати, а также права на свободу художественного и иных видов творчества, предусмотренных Конституцией, законами, международными договорами, участницей которых является Кыргызская Республика, общепризнанными принципами и нормами международного права и соответственно не находит оснований для признания оспариваемых нормативного положения и нормы противоречащими Конституции.

2.2. В Решении от 31 января 2024 года Конституционный суд признал статью 432 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики не противоречащей части 4 статьи 58, части 1 статьи 61 Конституции Кыргызской Республики. При этом были сформулированы следующие правовые позиции.

Режим законности, затрагивая все сферы правовой действительности и жизнедеятельности общества, отражает такую упорядоченность общественных отношений, при которой проявляются уважительное, позитивное и ценностное отношение личности к праву. Следовательно, принцип законности и устойчивого правопорядка – эта та фундаментальная линия, которая обуславливает взаимосвязь правового государства и личности, внедрение в общество идей равенства, справедливости и всеобщности права, и формирует основы дальнейшего развития общества и благополучия каждого человека.

Среди всех существующих механизмов поддержания правопорядка и режима законности главенствующее место занимает правосудие, осуществляемое только судом. Законный и обоснованный приговор, надлежащим образом мотивированный судьей при его постановлении, является одним из важнейших правовых средств, способствующих укреплению законности и правопорядка, предупреждению и искоренению преступлений, воспитанию граждан в духе неуклонного исполнения законов, действующих на ее территории, и уважения правил социального общежития.

Сущностью уголовного судопроизводства является реагирование государства на все факты совершения кем-либо общественно опасного деяния, запрещенного Уголовным кодексом Кыргызской Республики, посредством их

выявления, устранения его последствий и назначения соразмерного наказания виновному.

При этом основной целью наказания, как результата работы механизма действия уголовного законодательства, является защита прав потерпевших, восстановление социальной справедливости посредством соразмерного наказания и устранения последствий преступления.

Вместе с тем, наказание нельзя рассматривать только как восстановление социальной справедливости в отношении потерпевшего. Оно включает в себя максимальную соразмерность наказания тяжести преступления как смыслообразующего компонента системы юридической ответственности и необходимого условия укрепления общественного сознания о неотвратимости наказания, устойчивой законности и правопорядка в стране.

В этой связи законодатель закрепил в уголовном законодательстве целый ряд императивных требований к содержанию обвинительного приговора, в том числе, в части назначения наказания виновному.

Так, статья 349 УПК устанавливает, что в обвинительном приговоре суд должен точно определить вид, режим, размер и начало исчисления срока отбывания. Это требование включает в себя и учет времени, проведенного обвиняемым под стражей, и указывается в резолютивной части приговора согласно правилам, предусмотренными статьями 80 УК и 354 УПК.

Содержание под стражей как уголовно-процессуальный институт, представляет собой вид лишения свободы, применяемый в порядке меры пресечения, но не наказания. Это значит, что заключение под стражу осуществляется в отношении лица, виновность которого еще не установлена судом, соответственно, временной период с момента взятия его под стражу и до вступления обвинительного приговора в законную силу, когда осужденный продолжает оставаться под стражей (порою довольно длительное время), не может выпадать из поля зрения суда.

Так, в соответствии с пунктом 8 части 1 статьи 354 УПК, сведения о зачете времени содержания под стражей, если обвиняемый до постановления приговора был задержан, или к нему применялись меры пресечения в виде заключения под стражей, домашнего ареста, или он помещался в психиатрическое учреждение должны быть указаны в резолютивной части обвинительного приговора. Именно резолютивная часть приговора содержит официальную волю суда, в частности, предписания, обязательные для исполнения. Поэтому имеет важное значение решение вопроса зачета времени содержания под стражей в момент вынесения приговора, судом его постановившим. Отступление от этого может расцениваться как нарушение норм и требований процессуального законодательства и привести к отмене судебного акта.

Таким образом, законный и обоснованный приговор, надлежащим образом мотивированный судьей при его постановлении, является одним из важнейших правовых средств, способствующих укреплению законности и правопорядка, предупреждению и искоренению преступлений, воспитанию

граждан в духе неуклонного соблюдения законов и уважения правил социального общежития.

Конституционный суд в своем Решении от 29 марта 2023 года отмечал, что основной целью системы уголовного правосудия является стремление к реабилитации осужденного и сохранение уважительного отношения к каждому индивиду, защита его прав и интересов, а также обеспечение того, чтобы система уголовного правосудия стремилась к реабилитации и применению более мягких мер, а не просто суровому наказанию. В связи с чем законодателю было поручено, до приведения статьи 80 УК в соответствие с указанным Решением, срок содержания под стражей до вступления приговора в законную силу засчитывать из расчета один день под стражей за два дня лишения свободы.

В соответствии с пунктом 2 части 4 статьи 451 УПК признание Конституционным судом закона или иного нормативного правового акта либо их части, примененных судом в данном уголовном деле, неконституционными и противоречащими Конституции является основанием для возобновления производства по делу по новым обстоятельствам.

Это означает, что лица, отбывающие наказание, которым зачет времени содержания под стражей был осуществлен по правилам, действовавшим до признания Конституционным судом части 5 статьи 80 УК противоречащей Конституции, имеют право обратиться с ходатайством в суд, постановивший приговор, для пересмотра срока отбытия наказания по новым правилам учета времени содержания под стражей.

Таким образом, в случае отказа в пересмотре судебного акта в части определения срока отбытия наказания по новым правилам судом по месту отбывания наказания, тогда как действующее правовое регулирование относит решение этого вопроса к полномочиям суда, постановившего приговор, а при нерешенности этого вопроса, - предоставляет возможность пересмотра судебного акта в этой части по новым обстоятельствам, Конституционный суд не усматривает признаков ограничения конституционного права каждого на судебную защиту и права осужденного на пересмотр его дела вышестоящим судом.

2.3. Решением от 21 февраля 2024 года Конституционный суд признал части 1, 3 статьи 145, часть 1 статьи 153 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики не противоречащими части 1 статьи 61, частям 1, 4 статьи 95 Конституции Кыргызской Республики. При этом были сформулированы следующие правовые позиции.

Действенность и эффективность права на судебную защиту зависит не только от создания надлежащей правовой базы о судеустройстве и судебных процедурах, обеспеченности судебной системы и судей всем необходимым, но, прежде всего, от условий независимости судебной власти в целом и каждого судьи в отдельности. Поэтому Конституция придает этому вопросу особое значение и необходимо отметить, что независимость судей, как

основополагающий компонент правового государства, прежде всего, признается на международно-правовом уровне.

В силу особого предназначения судебной власти Конституция наделяет судью, носителя этой власти гарантиями, соответствующими его высокому статусу. Они охватывают не только все стороны его служебной деятельности и условий личной жизни, но и ограждают от всевозможных форм воздействия, способных повлиять на его независимость и беспристрастность при отправлении правосудия. Ключевым институтом в этом механизме выступает судейский иммунитет, приобретаемый судьей со вступлением в должность.

Они занимают свои должности и сохраняют свои полномочия до тех пор, пока их поведение является безупречным. Временное отстранение от должности, привлечение судей к уголовной и иной ответственности допускается с согласия Совета судей в порядке, определяемом конституционным законом. Иначе говоря, судья не может быть привлечен к какой-либо ответственности за высказанное им при осуществлении правосудия суждение или принятое решение кроме случаев, когда вступившим в законную силу приговором суда будет установлена его виновность в преступном злоупотреблении своими полномочиями.

Судейский иммунитет преследует четкую и прагматическую цель, а именно, предоставляет судье возможность выполнять свою конституционную обязанность – вершить правосудие без опасения его преследования в какой бы то ни было форме.

Установление таких предписаний на конституционно-правовом уровне обусловлено существующим риском возможного давления на судью в связи с его профессиональной деятельностью, что подтверждено многовековым международным опытом. Формы давления при этом могут носить разнообразный характер, в том числе не исключается преднамеренное использование для этого силовых механизмов государства, в частности, института уголовного преследования.

Важным компонентом системы обеспечения независимости судьи является иммунитет от уголовной ответственности, предполагающий специфичную процедуру инициации возбуждения уголовного дела и особый порядок его привлечения к уголовной ответственности.

Так, в соответствии с пунктом 4 части 2 статьи 43 конституционного Закона «О прокуратуре Кыргызской Республики», пункта 4 части 1 статьи 495 УПК решение о возбуждении уголовного дела в отношении судьи может быть принято только Генеральным прокурором, что является признанием его особого конституционно-правового статуса и процессуальной гарантией обеспечения высокого уровня правовой ответственности и объективности при принятии столь важного решения. Роль Генерального прокурора на этой и последующих стадиях досудебного производства является ключевой и обусловлена необходимостью предотвращения незаконного воздействия на судью и обеспечением непредвзятости следственных органов.

Далее, в соответствии с частями 2, 5 статьи 32 конституционного Закона «О статусе судей Кыргызской Республики» и части 3 статьи 497 УПК при наличии достаточных на то оснований необходимо получить согласие Совета судей на привлечение судьи к уголовной ответственности (предъявление обвинения). Совет судей, рассмотрев представление, отказывает в его удовлетворении, если доводы основаны на позиции, занимаемой судьей при осуществлении им судебных полномочий.

Таким образом, возбуждение уголовного дела непосредственно Генеральным прокурором; невозможность привлечения судьи к уголовной ответственности без согласия Совета судей – органа судейского самоуправления, призванного, в первую очередь, защищать права и законные интересы судей; осуществление надзора за законностью каждого действия органов следствия в ходе всего досудебного производства высшим органом прокуратуры, возглавляемого самим Генеральным прокурором, служит гарантией законности и обоснованности инициирования уголовного преследования судьи и соблюдения при этом всех составляющих компонентов принципа его независимости, закрепленных в Конституции и законах.

В тоже время, необходимо иметь в виду, что судейский иммунитет не направлен на предоставление судье абсолютной неприкосновенности. При наличии веских оснований и соблюдении вышеуказанных процедур, судья может и должен нести установленную законом уголовную и иную ответственность.

В силу выполняемых конституционно-значимых публичных задач, судьи наделены не только высоким статусом и надежными гарантиями, но и обременены повышенным требованием к приобретению этой профессии и своему повседневному поведению, установлением высоких стандартов к его квалификации, морально-нравственным и профессиональным качествам, которые в своей совокупности должны обеспечить необходимый уровень доверия общества к правосудию и судебной системе. В этой связи совершение преступлений со стороны судей – явление противоестественное, которое нивелирует ценность правосудия в общественном сознании, подрывая авторитет не только судебной, но и государственной власти в целом.

Принцип неотвратимости наказания лежит в основе верховенства права, укреплении законности и правопорядка в стране, обеспечения равенства всех перед законом и судом, повышения правосознания граждан в необходимости правомерного поведения. Поэтому, не должна вызывать сомнений особая значимость выявления, раскрытия и тщательного расследования каждого факта преступления с тем, чтобы в последующем все без исключения виновные понесли заслуженное наказание.

УПК от 2 февраля 2017 года был введен Единый реестр преступлений и проступков. Досудебное производство по уголовным делам осуществлялось в форме следствия и начиналось с момента внесения сведений в Единый реестр преступлений и проступков. Следственные действия начинались посредством уведомления прокурора о подозрении лица, в том числе и в отношении судьи.

В действующей редакции УПК, согласно статье 144, досудебное производство осуществляется в форме доследственной проверки и следствия и начинается с момента внесения сведений в Единый реестр преступлений до направления дела в суд, прекращения уголовного дела либо отказа в возбуждении уголовного дела.

Согласно частям 1, 3 статьи 145 УПК сотрудник правоохранительных органов с момента получения повода к началу досудебного производства, обязан внести соответствующие сведения в Единый реестр преступлений и немедленно начать доследственную проверку по досудебному производству.

Исходя из частей 1, 2, 3 статьи 153 УПК, в ходе доследственной проверки следователь, прокурор вправе производить ряд первичных, неотложных следственных действий. По результатам доследственной проверки следователь, прокурор принимает решение о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела. При этом решение о возбуждении уголовного дела или об отказе в его возбуждении должно быть принято незамедлительно, но не позднее 10 суток с момента регистрации повода к началу досудебного производства. В случае невозможности принятия решения в указанный срок, этот срок может быть продлен прокурором до 20 суток по мотивированному постановлению следователя.

Тем самым, Единый реестр преступлений ведется не только в целях регистрации и учета преступлений, формирования уголовно-правовой статистики, а прежде всего, для официального запуска механизма по выявлению события преступления и проведения неотложных следственных действий, строго очерченных УПК, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления и изъятия. Промедление в производстве этих следственных действий может привести к утрате доказательств, соответственно, к невозможности раскрытия преступления и установлению виновных.

Таким образом, специальные процессуальные меры защиты, предусмотренные судебским иммунитетом, которые включаются со стадии возбуждения уголовного дела, достаточны и адекватны тому, чтобы оградить судей от произвольного уголовного преследования. В свою очередь, судебский иммунитет не может служить инструментом безнаказанности, в случае совершения судьей преступления, а также не должен препятствовать нормальному функционированию механизма по выявлению каждого факта преступления, вне зависимости от правового статуса субъекта его совершившего.

2.4. Конституционный суд своим Решением от 28 февраля 2024 года признал пункты 10-13 Порядка обжалования действий владельца сайта или страницы сайта, удаления недостоверной (ложной) информации и приостановления работы сайта или страницы сайта в связи с распространением недостоверной (ложной) информации в сети Интернет не противоречащими части 1 статьи 5, части 3 статьи 23, частям 1, 2 статьи 24 Конституции

Кыргызской Республики. При этом были сформулированы следующие правовые позиции.

Согласно Конституции, каждый имеет право на свободу выражения своего мнения, свободу слова и печати, свободно искать, получать, хранить, использовать информацию и распространять ее устно, письменно или иным способом.

Вместе с тем, несмотря на принципиально важное значение рассматриваемых прав в построении справедливого и свободного общества, их положение в системе конституционных ценностей зависит от многих факторов, возникающих в процессе сложного взаимодействия, а порою и конкуренции с другими не менее значимыми благами. Иными словами, границы распространения конституционных прав и свобод не носят постоянного характера и выстраиваются в зависимости от конкретной ситуации и особенностей сферы общественных отношений, где происходит столкновение этих ценностей.

Таким образом, при всей значимости свободы выражения своего мнения, свободы слова и печати в демократическом государстве, они не могут априори доминировать над другими конституционными гарантиями, которые в равной мере защищены государственно-правовыми механизмами.

В соответствии с Конституцией каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, защиту чести и достоинства. Человеческое достоинство в Кыргызской Республике абсолютно и неприкосновенно. Каждый обязан соблюдать Конституцию и законы, уважать права, свободы, честь и достоинство других лиц.

Право на частную жизнь служит основой для свободного развития личности, поддерживая как его физическое благополучие, так и духовную неприкосновенность, что позволяет каждому человеку управлять своими поступками, защищать свою честь и достоинство от неправомерных вторжений.

Честь, в свою очередь, связана с общественным мнением и оценкой личности, которая влияет на то, как человек воспринимается в социуме. Достоинство же представляет собой самоощущение человека и его внутреннюю самооценку, то есть личностное восприятие своих качеств, способностей и своего значения в обществе.

Как видно из содержания приведенных конституционных прав и обязанностей, они не могут не соприкасаться со сферой действия свободы выражения своего мнения, свободы слова и печати, а порою находиться с ними в состоянии конфликта. Иначе говоря, при насыщенности Конституции разными по своей содержательно-смысловой нагрузке гарантиями невозможно обойтись без юридической экспликации пределов распространения каждого из них, в особенности в процессе их взаимодействия в публичном информационном пространстве.

Для эффективного регулирования информационной среды страны государством приняты ряд законов, в числе которых: «О средствах массовой

информации», «Об информации персонального характера», «О защите от недостоверной (ложной) информации».

Закон «О средствах массовой информации» определяет правовые, экономические и социальные основы организации сообщений через средства массовой информации. Так, Законом устанавливается четкий перечень информации, не подлежащей публичному распространению, в который входят, в том числе посягательства на честь и достоинство личности, а также обнародование заведомо ложной информации.

Закон «Об информации персонального характера» регламентирует правовые рамки для обработки персональных данных, включая биографическую информацию, личные характеристики, сведения о семейном и финансовом положении, состоянии здоровья и прочее. Обработка таких данных допускается исключительно в целях журналистики либо художественного и литературного творчества, при условии получения согласия от субъекта данных с соблюдением права на неприкосновенность частной жизни и свободу слова.

Следует заметить, что невероятные темпы развития информационных технологий привели к значительным изменениям в способах общения и доступе к различного рода сведениям, размещаемым в телекоммуникационной сети «Интернет». Обеспечивая мгновенное распространение информации, Интернет создает беспрецедентные возможности для реализации свободы слова и выражения различных мнений, однако при этом также увеличивает риски злоупотребления этими свободами. Такая форма распространения информации в виртуальной среде, включая дезинформацию и кибератаки, представляет серьезную угрозу не только для неприкосновенности частной жизни человека, его чести и достоинства, но и общественной безопасности и правопорядка в целом.

Кроме того, Кыргызстан, как и другие страны мира, сталкивается с современными вызовами в сфере пропаганды национальной, расовой, религиозной ненависти, гендерного и иного социального превосходства, призывающая к дискриминации, вражде, насилию и экстремизму. Указанные явления представляют одну из глобальных угроз миру и демократии, являясь опасными вызовами правам человека, верховенству права и суверенитету государства. В этой связи, не случайно Конституция прямо запрещает пропаганду национальной, расовой, религиозной ненависти, гендерного и иного социального превосходства, призывающая к дискриминации, вражде или насилию. Иными словами, Основной Закон и вышеприведенные законы, наряду с укреплением свободы слова и различных мнений, обязывает государство не только принимать адекватные меры по защите достоинства каждой личности, как основы всех его прав и свобод, но и противостоять любым формам нетерпимости, требовать соблюдения этических стандартов и необходимого уровня медийной грамотности.

В то же время, учитывая динамику развития Интернета, глобальный, транснациональный и многогранный характер его воздействия на общественные процессы, выполнение государством своих задач требует

создания и внедрения особых правовых и технических инструментариев для обеспечения эффективного и своевременного вмешательства государства в интернет-пространство и модерации интернет-публикаций для обеспечения защиты конституционных ценностей и гармоничного сочетания частных и публичных интересов.

Именно с целью управления этих процессов государство определило Закон «О защите от недостоверной (ложной) информации» в качестве базового, который устанавливает правовые основы для запрета распространения недостоверной информации в интернет-пространстве.

В соответствии со статьей 4 данного Закона права и обязанности владельцев информационных ресурсов четко регламентированы, тем самым, обязывая их к ответственному управлению контентом. Так, владелец сайта и (или) страницы сайта и пользователь в интернет-пространстве Кыргызской Республики имеют право свободно искать, получать, хранить, использовать информацию, распространять ее устно, письменно или иным способом, размещать или допускать размещение на своем сайте или странице сайта текст и (или) иные материалы других пользователей сети Интернет, не порочащие или не унижающие честь и достоинство личности.

Наряду с этим, каждый, кто считает, что в отношении него была распространена недостоверная (ложная) информация, порочащая его честь, достоинство и деловую репутацию, имеет право обратиться к владельцу интернет-сайта или страницы с требованием о немедленном удалении недостоверной (ложной) информации со страницы или сайта (в течение 24 часов с момента обращения) и размещении информации, опровергающей ранее размещенную недостоверную (ложную) информацию.

В случае отказа от удаления недостоверной информации или нарушения времени удаления недостоверной (ложной) информации лицо, чьи права и свободы были нарушены в связи с публикацией недостоверной (ложной) информации о нем, вправе обжаловать действия владельца сайта в сети Интернет или владельца страницы сайта в порядке, определенном Кабинетом Министров Кыргызской Республики от 8 апреля 2022 года №204. Работа сайта или страницы сайта может приостанавливаться сроком до двух месяцев. Владелец сайта или страницы сайта не вправе создавать новый сайт или страницу сайта в сети Интернет в период приостановления сайта или страницы сайта.

Таким образом, государство, устанавливая такое правовое регулирование, определяет правила поведения в обществе и последствия за отступления от этих установок. Это включает в себя не только обязанность субъектов, ответственных за размещение информации в интернет-пространстве, удалять порочащие гражданина сведения, но и предоставляет таким лицам законный способ защиты. То есть, потерпевшим предоставляется возможность для обращения за защитой своих нарушенных прав, если владелец сайта или страницы отказывается добровольно исполнить эту обязанность.

На основе и во исполнение статьи 3 вышеуказанного Закона Кабинетом Министров Кыргызской Республики был принят Порядок, согласно которому предусматривается более конкретизированный механизм быстрого реагирования на недостоверную (ложную) информацию в интернете-пространстве.

Уполномоченный орган в сфере информации в течение одного рабочего дня рассматривает жалобы гражданина и юридического лица (далее-заявитель) на отказ в удалении или нарушение сроков удаления недостоверной (ложной) информации, проверяя соответствие требованиям пункта 7 Порядка.

Согласно оспариваемому пункту 10 Порядка, если заявление соответствует критериям орган выносит решение об удалении, устанавливает срок его исполнения и направляет его уполномоченному органу по связи для дальнейшей передачи владельцу сайта или страницы в сети Интернет. В свою очередь, они обязаны незамедлительно удалить информацию и разместить опровержение, после чего в течение одного дня должны уведомить уполномоченные органы, как это предписано в оспариваемом пункте 11 Порядка. А в случае неисполнения решения, уполномоченный орган приостанавливает работу сайта или страницы в сети Интернет через хостинг-провайдера, который также должен выполнить и уведомить о мерах в однодневный срок (оспариваемые пункты 12, 13).

Конституционный суд считает, что установление такого правового регулирования, при котором права гражданина, чьи честь и достоинство были нарушены, имеют преимущественное значение над интересами владельца сайта или веб-страницы, соответствует нормам и духу Конституции. То есть, человеческое достоинство, обладая абсолютным и неприкосновенным характером, стоит выше других конституционных гарантий, включая свободу выражения своего мнения, свободу слова и печати, что делает недопустимыми любые их умаления в процессе реализации иных прав (часть 1 статьи 29 Конституции).

В данном случае владелец сайта или страницы в сети Интернет выступает как правонарушитель, который должен принять необходимые меры по восстановлению достоинства личности в любых обстоятельствах и оперативном порядке. Таким образом, эти действия, по сути, являются исполнением конституционной обязанности государства и не могут рассматриваться как чрезмерное обременение или несоразмерное ограничение прав владельцев сайта или страниц в сети Интернет, а также как нарушение положений части 3 статьи 23 Конституции.

Это подчеркивает ответственность государства за поддержание законности и справедливости в цифровом пространстве, а также за обеспечение безопасности и защиты прав граждан в условиях широкого доступа к информации.

Оспариваемый Порядок определяет процедуры действий уполномоченного государственного органа в сфере информации, которые включают принятия решений как удаление недостоверной (ложной)

информации с установлением срока, так и обоснованного отказа в принятии заявления о её удалении.

Согласно пунктам 9 и 17 Порядка, в случае несогласия владельцы сайтов или страницы в сети Интернет, а также заявители, вправе обжаловать решение и действие (бездействие) уполномоченного государственного органа в сфере информации в административном (досудебном) порядке в соответствии с Законом Кыргызской Республики «Об основах административной деятельности и административных процедурах» (далее – Закон).

Далее, главой 10 Закона установлен стандартизированный механизм досудебного рассмотрения жалоб, который включает в себя четко определенные основания, сроки, требования, предъявляемые к жалобе, пределы действий административного органа по поступившей жалобе и правовые последствия подачи административной жалобы.

Так, жалоба на действие или бездействие административного органа или должностного лица подается в вышестоящий административный орган или вышестоящему должностному лицу, по итогам которого она либо удовлетворяется полностью или частично, отменив административный акт или признав его незаконным, либо принимается новый административный акт (часть 2 статьи 62 и статья 69 Закона).

Таким образом, Закон наделяет уполномоченный орган в сфере информации, в лице Министерства культуры, информации, спорта и молодежной политики дискреционными полномочиями. Это означает, что уполномоченный орган по своему усмотрению вправе определить вид и содержание (полностью или частично) принимаемого административного акта, либо предоставляющих возможность выбора по усмотрению одного из нескольких предусмотренных законодательством вариантов решений (статья 4 Закона).

Ввиду чего в упомянутом органе учреждена постоянно действующая Комиссия под руководством министра для рассмотрения административных жалоб, задача которой – рассмотрение жалоб в соответствии с установленным порядком Закона.

При этом, несмотря на наделение Комиссии дискреционными полномочиями, Закон устанавливает их ограничения. Согласно этим ограничениям, Комиссия при осуществлении своих полномочий должна строго руководствоваться интересами защиты прав и свобод человека и гражданина, закрепленных в Конституции, принципами равноправия, соразмерности и единообразного применения права, а также действовать для достижения других целей, установленных указанным Законом.

В связи с чем, необходимо отметить, что досудебный административный порядок служит для быстрого и эффективного урегулирования споров между гражданами и государственными органами, до обращения в судебные инстанции. Эта процедура не только ускоряет процесс разрешения конфликтов, но и предоставляет сторонам возможность полностью осознать все аспекты дела. То есть, это шанс для владельца сайта или страницы в сети Интернет,

хостинг-провайдера и заявителя четко и открыто выразить свою оспариваемую позицию, что, в свою очередь, будет способствовать мирному разрешению споров через компромиссы и взаимоприемлемые решения.

Кроме этого, согласно части 1 статьи 62 Закона, если заявитель, обратившийся за осуществлением административной процедуры, не удовлетворен итоговым административным актом, в последующем он имеет право обжаловать его уже в судебном порядке.

Резюмируя вышеизложенное, Конституционный суд отмечает, что ни одна из сторон не лишается права на справедливую досудебную и судебную защиту в случае возможности удаления или отказа в удалении недостоверной (ложной) информации, а также при приостановлении работы сайта или страницы сайта из-за распространения такой информации в интернете.

2.5. Конституционный суд своим Решением от 6 марта 2024 года признал нормативное положение части 8 статьи 110 Административно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, выраженное словами «и обратившихся в суд не позднее 10 лет со дня принятия обжалуемых актов или совершения обжалуемых действий», противоречащими части 2 статьи 56, части 1 статьи 61 Конституции Кыргызской Республики. *При этом были сформулированы следующие правовые позиции.*

Меры государства по защите основных прав и свобод человека и гражданина по своему функциональному назначению должны иметь упреждающее действие и направлены на предотвращение возможных посягательств. А в случае, если они уже имели место, то должна включаться система такой защиты, которая позволит обеспечить восстановление нарушенных прав. К таким инструментам относятся самозащита человеком своих прав всеми не запрещенными законом способами, административные методы защиты, судебная защита, а также международно-правовые механизмы, которые в своей совокупности позволяют обеспечить достойную жизнь и свободное развитие человека.

Причем, судебная защита, ввиду своей высокой эффективности, занимает среди прочих главенствующее место. Это обусловлено ее особенностями в силу обладания судами такими властно-распорядительными полномочиями и средствами воздействия на правоотношения, которыми не наделен ни один другой государственный орган. Поэтому, неслучайно Конституция особо выделяет предоставляемую каждому индивиду гарантию судебной защиты его прав и свобод, предусмотренных Конституцией, законами, международными договорами, участницей которых является Кыргызская Республика, общепризнанными принципами и нормами международного права часть.

Закрепление в Конституции права на судебную защиту конституционно связывает государственную власть (всю систему публичной власти) обязанностью создания механизмов, гарантирующих беспрепятственное пользование каждым обозначенным правом. При этом ключевым содержанием данного права является доступность правосудия, означающая недопустимость принятия норм, блокирующих доступ граждан к правосудию. Не имея

реального доступа к правосудию по какому-либо вопросу, лицо не может реализовать в полной мере свое конституционное право на судебную защиту.

Способы и средства реализации права на судебную защиту зависят от построения системы процессуального права, ее деления на отрасли, которые, в свою очередь, образуют виды судопроизводства. Это обусловлено различием предмета и методов правового регулирования материальных отношений и особенностей необходимой модели процессуального поведения участников судопроизводства. Именно вид судопроизводства определяет статус, а также объем прав и обязанностей его участников. Ключевым смыслом такого разделения является достижение высокой эффективности, своевременности, справедливого рассмотрения и разрешения различных по своей природе дел.

Так, согласно Конституции, судебная власть в Кыргызской Республике осуществляется посредством конституционного, гражданского, уголовного, административного и иных форм судопроизводства, предусмотренных законом.

В частности, административное судопроизводство осуществляется в соответствии с Административно-процессуальным кодексом Кыргызской Республики, который предусматривает, что любое заинтересованное лицо вправе в порядке, установленном законом, обратиться в суд за защитой своих нарушенных или оспариваемых прав, свобод или охраняемых законом интересов. Отказ от права на обращение в суд недействителен.

В то же время, обладание правом на обращение в суд по определенным причинам ограничено временем, в течение которого индивид имеет право получить разрешение своего дела в судебном порядке, учрежденным как исковая давность. Иными словами, если истец превышает установленный законом срок исковой давности, в удовлетворении его требований судом должно быть отказано.

Цель установления исковой давности заключается в том, чтобы обеспечить стабильность и предсказуемость правовых отношений, а также предотвратить бесконечное возобновление правовых споров. Кроме того, исковая давность выполняет функцию рационализации расходования ресурсов судебной системы в целом.

Так, в соответствии с вышеуказанным Кодексом иск подается в суд в течение трех месяцев со дня получения копии акта государственного органа, органа местного самоуправления, их должностных лиц либо со дня, когда заявитель узнал о вынесении данного акта, если иные сроки не установлены законом.

Таким образом, установленный трехмесячный срок по своей сути и является сроком исковой давности, в течение которого правообладатель может путем предъявления иска в суд получить удовлетворение своих требований.

Вместе с тем, следует заметить, что сроки исковой давности не носят пресекающего характера, их истечение не влечет за собой прекращение субъективного права и не является препятствием для обращения в суд. Так, несмотря на небольшой период времени, установленный законодателем, при

наличии причин, признанных судом уважительными, истец имеет возможность восстановления пропущенного срока исковой давности.

Однако в силу оспариваемой нормы восстановление пропущенного срока возможно не позднее 10 лет со дня принятия обжалуемых актов или совершения обжалуемых действий.

Конституционный суд отмечает, что введенное законодателем ограничение возможности восстановления срока на подачу иска выступает по своей сути преклюзивным (пресекательным) сроком, характеризующимся тем, что:

- истечение пресекательного срока влечет неизбежное прекращение субъективного права;
- суд применяет пресекательный срок независимо от заявления сторон спора;
- пресекательные сроки не подлежат приостановлению, перерыву или восстановлению.

Хотя такая процессуальная установка призвана исключить возможность неразумно продолжительной неопределенности в вопросах правомерности актов и управленческих решений органов государственной власти и местного самоуправления, тем не менее, заинтересованные лица не могут подвергаться такому регулятивному воздействию, которое ограничивало бы реализацию права на судебную защиту такими преградами, которые, даже при наличии объективных причин, не могут быть преодолены.

Также, как и институт исковой давности, процессуальные пресекательные сроки необходимы для того, чтобы участники правоотношений могли в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и были уверенными в неизменности своего правового статуса, застрахованного от произвола со стороны других лиц, а также защищенного от состояния неопределенности, вызванного отсутствием возможности прогнозировать правовые последствия своего положения.

Таким образом, как институт исковой давности, так и процессуальные пресекательные сроки предназначены для выполнения одних и тех же задач.

Закрепляя положения о защите прав и свобод человека и гражданина, Конституция устанавливает, что права и свободы человека действуют непосредственно, определяют смысл и содержание деятельности всех государственных органов, в том числе органов местного самоуправления и их должностных лиц.

Вопросы непосредственного жизнеобеспечения человека в месте его обитания в основном связаны с оказанием широкого спектра социальных услуг органами местного самоуправления, их административными и управленческими решениями.

Вышеуказанное конституционное установление предполагает, что на местное самоуправление, как на институт публичной власти, накладываются обязанности не только по соблюдению, но и претворению в жизнь конституционных прав и свобод человека и гражданина, созданию условий для

наиболее их полной реализации, пресечению их нарушений, а, в отдельных случаях, – восстановлению нарушенных прав и свобод на территории муниципального образования имеющимися в их распоряжении административными и правовыми средствами.

В свете изложенного, следует отметить, что представленные доказательства и материалы заявителей по рассматриваемому вопросу, свидетельствуют о том, что в отдельных случаях при решении жизненно важных для граждан вопросов, а также общественно значимых задач, действия органов местного самоуправления с точки зрения неукоснительного соблюдения законов вызывают определенные сомнения. При этом, наличествуют случаи, когда заинтересованные лица в течение длительного периода времени могут и не знать о существовании юридических фактов, возникших вследствие решений органов местного самоуправления, соответственно, и не знать о факте нарушения их прав и интересов.

Согласно Конституции, в Кыргызской Республике не должны приниматься законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека.

Раскрывая значение данной конституционной гарантии, Конституционный суд в своем Решении от 29 марта 2023 года отметил, что указанное императивное предписание, адресованное, прежде всего, законодателю, является одной из гарантий полноты прав и свобод как с точки зрения их перечня, так и адекватности принимаемых законов.

Конкретизация отдельных конституционных положений и ввод различных моделей правового регулирования, в том числе в соответствии с новыми социальными реалиями, безусловно, прерогатива законодателя. Однако, реализуя свои регулятивные полномочия, законодатель обязан следить за тем, чтобы принимаемые нормативные предписания были соразмерными и справедливыми, поддерживали доверие граждан к закону и действиям государства.

Оспариваемая норма возникла вследствие принятия Закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Кыргызской Республики (в Административно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики, Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики)» от 11 апреля 2023 года №85. Как следует из справки–обоснования к законопроекту, отсутствие единого пресекающего срока вредит правовой определенности и стабильности судебных актов. Любое требование должно быть заявлено в суд своевременно, поскольку отсутствие разумных временных ограничений для защиты нарушенных прав может привести к ущемлению интересов лиц, к которым такие требования предъявлены. Установление предельного срока, в рамках которого возможно восстановить срок, положительно скажется на устойчивости не только решений судов, но административных актов, влекущих правовые последствия.

Несомненно, состояние правовой определенности существенно влияет на режим законности, правопорядка и предсказуемости общественных отношений. Вместе с тем, следует отметить, что данный принцип не носит

абсолютного характера, тогда как право на судебную защиту имеет фундаментальное значение и не может в какой-либо степени ограничиваться. Как отмечалось, это право предполагает, прежде всего, недопустимость принятия норм права, блокирующих доступ граждан к правосудию. При введении тех или иных ограничений, обусловленных конституционно значимыми целями, законодателю следует руководствоваться конституционным принципом адекватности и пропорциональности используемых правовых средств.

Таким образом, учитывая материально-правовую природу пресекающего срока Конституционный суд приходит к выводу о недопустимости применения такого механизма в регулировании правоотношений, связанных с первоначальным доступом граждан к правосудию, как основной конституционной гарантией, лежащей в основе обеспечения всех других прав и свобод человека. Законом не могут устанавливаться ограничения прав и свобод человека в иных целях и в большей степени, чем это предусмотрено Конституцией.

Действующий институт исковой давности является не менее эффективным правовым средством, нежели чем процессуальные пресекающие сроки, и при правильном правоприменении, не посягая на существо конституционного права, полноценно решает задачи, ради которых законодатель применил преклюзивный срок в регулировании административного судопроизводства.

Данное решение направлено для дальнейшего рассмотрения в Кабинет Министров Кыргызской Республики письмом суда от 15 мая 2024 года №03/384.

Министерством юстиции Кыргызской Республики разработан проект Закона Кыргызской Республики «О внесении изменения в Административно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики» и представлен в Кабинет Министров Кыргызской Республики.

Направлен Кабинетом Министров Кыргызской Республики в Жогорку Кенеш Кыргызской Республики (исх. АПКР №28-7382 от 26 августа 2024 года).

Находится на рассмотрении в Жогорку Кенеше Кыргызской Республики.

2.6. Решением Конституционного суда от 20 марта 2024 года нормативное положение части 4 статьи 439 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, выраженное словами «Такие определения подлежат пересмотру в кассационном порядке одновременно с рассмотрением кассационных жалобы или представления на окончательное судебное решение, принятое по данному уголовному делу.», признано не противоречащим частям 1, 2, 4-6 статьи 23, статье 55, частям 1, 2 статьи 56, частям 1, 2 статьи 61 Конституции Кыргызской Республики. *При этом были сформулированы следующие правовые позиции.*

Правовая система государства, построенная на верховенстве права и законности, предусматривает право каждого на судебную защиту. Это право, относящееся к основным неотъемлемым правам и свободам человека, включает

гарантии свободного и равного доступа всех к правосудию. Оно осуществляется на основе принципа состязательности и равенства сторон независимым судом, призванным защищать и восстанавливать нарушенные права не только от незаконных действий органов законодательной и исполнительной власти, но и от ошибочных судебных решений.

В этой связи правосудие признается таковым только если оно отвечает критериям справедливости и эффективно восстанавливает нарушенные права, а законодатель же при формировании процесса судопроизводства должен обеспечить такой правовой механизм, который предоставляет надлежащую возможность по отстаиванию прав и законных интересов человека и гражданина на всех этапах уголовного судопроизводства всеми способами, не запрещенными законом.

Важную роль в этом процессе, безусловно, играет первая инстанция, результаты функционирования которой носят основополагающий (базовый) характер по отношению к последующим этапам уголовного судопроизводства.

Так, в ходе судебного разбирательства проводится тщательное исследование всех элементов доказательственной базы уголовного дела. Активное участие сторон — обвинения и защиты — не только способствует реализации их прав и интересов, но и позволяет суду объективно оценить содержание материалов досудебного производства.

Следовательно, крайне важно подчеркнуть, что высокая эффективность работы первой инстанции подтверждает её ключевую роль в системе правосудия и подчеркивает необходимость поддержания строгих стандартов для обеспечения правильного и беспристрастного отправления правосудия в целом.

Вместе с тем, учитывая состязательный аспект уголовного процесса, важно учесть возможность того, что стороны могут выявить проблемы на этапе подготовки дела заседанию суда первой инстанции. Именно поэтому, УПК предусматривает правомочие запуска механизма предварительного слушания не только за судьей по его инициативе, но и по ходатайству одной из сторон.

Таким образом, предварительное слушание является дополнительной процессуальной гарантией соблюдения прав участников процесса, позволяющее обнаруживать, корректировать либо устранять недостатки досудебного производства еще до начала основного слушания.

Законодатель предоставляет сторонам право заявлять ходатайство об исключении любого из перечня доказательств, предъявляемых в судебном разбирательстве. При этом отдельно закрепляет норму, предусматривающую в качестве основания для проведения предварительного слушания наличие ходатайства стороны об исключении недопустимых доказательств.

Причиной исключения доказательства служит их недопустимость, возникающая из-за нарушения требований УПК при сборе или проверке фактических данных, имеющих доказательственное значение. Четкий перечень недопустимых доказательств предусмотрен в части 4 статьи 80 УПК.

Решения суда об удовлетворении либо отказе в удовлетворении ходатайства об исключении доказательств могут быть обжалованы в апелляционном порядке в течение 3 суток согласно части 3 статьи 288 УПК.

В этой связи следует отметить, что предварительное слушание, предоставляемое в качестве возможности или выбора в зависимости от обстоятельств конкретного дела, несмотря на свой факультативный характер, также играет вспомогательную роль в исследовании доказательств на предмет их допустимости к процессу. Эффективность и надежность этого института, выступающего неким «мостом», соединяющим досудебное производство с судебным процессом, может повлиять на качество и результаты рассмотрения дел в суде первой инстанции и, безусловно, положительно скажется на всех последующих этапах уголовного судопроизводства.

Суд апелляционной инстанции, являясь вышестоящим судебным звеном, обладает важным значением в реализации права осужденного на пересмотр судебного решения, при этом он наделен не только свойственными ему уникальными процессуальными полномочиями, но и теми, которыми располагает суд первой инстанции.

Прежде всего, эта инстанция, состоящая из судебной коллегии, рассматривает уголовные дела по жалобам и представлениям на приговоры и постановления, которые не вступили в законную силу, и проверяет законность и обоснованность этих решений, вынесенных судом первой инстанции.

В связи с чем особенностью суда апелляционной инстанции является наличие в его процессуальном арсенале полномочия по проведению нового рассмотрения дела, как в полном, так и в частичном объеме, следуя процедурам первой инстанции и обеспечивая принцип состязательности. В результате чего может быть вынесен новый приговор, который заменит решение первой инстанции.

В свою очередь, поскольку общие условия судебного разбирательства, предусмотренные в статье 289 УПК, распространяются и на апелляционный суд, законодатель обязывает его основывать приговор лишь на тех доказательствах, которые были исследованы в судебном заседании.

Учитывая изложенное, необходимо подчеркнуть, что реализация полномочий второй инстанции обеспечивает повторное и тщательное исследование всех материалов дела, включая вопросы о недопустимости доказательств, которые уже подверглись детальному анализу на предыдущих этапах уголовного судопроизводства. Тем самым предоставляются необходимые правовые инструменты участникам уголовного процесса для обеспечения справедливости, законности и восстановления нарушенных конституционных прав, свобод и интересов человека через доступ ко всем возможностям правосудия.

Кассационное производство, являясь одним из действенных механизмов исправления судебных ошибок, выступает важнейшей гарантией защиты прав и свобод человека, а в случае их нарушения нижестоящими судами – основным способом их восстановления.

Так, законодатель установил четкие пределы полномочий кассационной инстанции, в рамках которых она вправе лишь проверить производство по уголовному делу на предмет существенных нарушений норм материального и процессуального права.

Согласно пункту 9 части 2 указанной статьи, одним из оснований для отмены судебного акта является обоснование приговора доказательствами, признанными судом недопустимыми. В свою очередь, часть 4 статьи 80 УПК четко определяет, какие доказательства считаются недопустимыми.

Согласно оспариваемым нормативным положениям, предметом рассмотрения суда кассационной инстанции могут быть определения, предшествующие окончательному судебному решению, если обжалование таких определений предусмотрено УПК. Такие определения подлежат пересмотру в кассационном порядке одновременно с рассмотрением кассационных жалобы или представления на окончательное судебное решение, принятое по уголовному делу.

Такое правовое регулирование исключает возможность текущего контроля со стороны вышестоящих судебных инстанций за ходом рассмотрения дела судом первой инстанции и, следовательно, вмешательство в осуществление им своих дискреционных полномочий.

Однако возможность судебной проверки законности и обоснованности промежуточных действий и решений суда при этом не устраняется; она лишь переносится на другой установленный срок и осуществляется после постановления приговора. Этот подход позволяет судам первой и второй инстанций завершить рассмотрение дела без внешнего давления и предвзятости, что способствует независимости судебного разбирательства.

Устанавливая исчерпывающий перечень полномочий кассационной инстанции, законодатель не предоставляет этому суду права определять или считать доказанными факты, которые не были установлены в приговоре или были отвергнуты им, предрешать вопросы о доказанности или недоказанности обвинения, допустимости или недопустимости того или иного доказательства, преимущества одних доказательств перед другими, а также предрешать выводы в итоговых актах, которые могут быть сделаны судами первой или апелляционной инстанции при повторном рассмотрении дела.

Таким образом, понимание итогового акта, включая оценку всех принятых в ходе дела процессуальных решений, является ключом к обеспечению справедливости и правильности судебного разбирательства на кассационном этапе. Это требуется не только для анализа законности примененных норм, но и глубокого понимания того, как процессуальные и материальные решения повлияли на формирование итогового акта, подчёркивая ответственность кассационной стадии судопроизводства в рамках своих полномочий.

Кроме этого, производство по пересмотру вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам как имеющее резервное значение дополнительного способа обеспечения их законности означает установление

таких процедурных правил, которые исключают возможность злоупотребления процессуальными правами и превращения кассационной процедуры в ординарную судебную инстанцию, не нарушая при этом базовые конституционные принципы справедливости и равенства.

Установленный законодателем порядок для кассационной инстанции не ограничивает право на пересмотр решений этой инстанции. Также не умаляются права, свободы и законные интересы участников уголовного судопроизводства на судебную защиту, включая исследование вопросов о недопустимости доказательств при наличии процессуальных нарушений.

2.7. Конституционный суд своим Решением от 27 марта 2024 года признал нормативное положение абзаца седьмого пункта 4 Положения о порядке исчисления стажа государственной службы и муниципальной службы для выплаты процентных надбавок за выслугу лет, утвержденное Указом Президента Кыргызской Республики от 2 февраля 2022 года УП №25, выраженное словами «начиная с 7 июня 2016 года» не противоречащим части 1 статьи 24, статье 55, части 2 статьи 56 Конституции Кыргызской Республики. *При этом были сформулированы следующие правовые позиции.*

Конституция Кыргызской Республики гарантирует каждому право на свободу труда, распоряжаться своими способностями к труду, на выбор профессии и рода занятий, охрану и условия труда, отвечающие требованиям безопасности и гигиены, а также право на получение оплаты труда, не ниже установленного законом прожиточного минимума.

Государство обязано в приоритетном порядке создавать правовые, организационные, экономические и иные благоприятные условия с тем, чтобы у каждого человека возникло реальное право выбора того или иного вида трудовой деятельности.

В свою очередь, смысл реализации конституционного права на труд заключается в получении каждым денежного дохода – источника повышения уровня благосостояния его самого и членов семьи, в том числе, в случае наемного труда, - заработной платы.

В соответствии с законодательством Кыргызской Республики заработной платой является вознаграждение (возмещение) за труд в зависимости от сложности, количества, качества и условий, а также выплаты компенсационного и стимулирующего характера. Выплаты компенсационного и стимулирующего характера в виде надбавок и доплат устанавливаются в абсолютных величинах или в процентах к должностному (тарифному) окладу.

Надбавки и доплаты стимулирующего характера – это два самостоятельных вида стимулирующих (поощрительных) выплат, имеющие общую цель – индивидуализировать заработок работника с учетом различных факторов, не учтенных в размере тарифной ставки.

В отличие от компенсационных выплат, доплаты и надбавки стимулирующего характера не связаны с оплатой труда в каких-то особых, вредных или опасных условиях, отклоняющихся от установленных норм. Их

цель состоит в стимулировании работников к повышению количества и качества труда, для их дальнейшего личностного роста и развития.

Стимулирующие доплаты и надбавки носят постоянный характер и выплачиваются не за будущие, требующие оценки достижения, а за уже достигнутые результаты и индивидуальные качества работника, обеспечивающие высокую результативность его работы. Они устанавливаются за высокую квалификацию, непрерывный стаж, классность, ученое звание и иные заслуги.

Однако установление работникам стимулирующих выплат не является обязательным как с точки конституционных гарантий, так и общих принципов отраслевого законодательства.

Тем не менее, законодатель, обладая достаточно широкой свободой усмотрения при осуществлении своих полномочий вправе вводить как общие правила определения различных процентных надбавок к должностным окладам государственных и муниципальных служащих, так и особенностей применительно к их отдельным категориям.

В рассматриваемом случае, исходя из социальной ценности для общества трудовой деятельности по выполнению государственных функций, законодатель предусмотрел для лиц, посвящающих себя служению в органах государственной власти и местного самоуправления, специальные правила установления надбавок к окладам за выслугу лет, их размеры, условия назначения и выплаты. Тем самым, законодатель установил дополнительные стимулирующие выплаты к окладам государственных и муниципальных служащих с целью поощрения их многолетнего труда, а также мотивации на продолжение общественно значимой работы, повышения качественных и количественных показателей труда, а также поддержания уровня их материального достатка.

Исходя из норм и духа Конституции, законодатель в своей нормотворческой деятельности обязан строго придерживаться принципов равноправия и недискриминации как выражение и внедрение в жизнь общества идеи социальной справедливости. Это означает, что за исключением очевидно необходимых случаев, все люди должны обладать одинаковым правовым статусом, то есть, иметь права, свободы и обязанности одинакового объема и содержания, а также одинаковые возможности по их реализации и защите. Это, безусловно, касается и вопросов предоставления каждому равных возможностей при осуществлении права на труд, а также соблюдения принципа справедливого вознаграждения за труд.

Таким образом, социальная справедливость является основой правового, социального государства, внутренняя политика которого должна быть направлена на обеспечение справедливых условий в сфере труда для достижения достойной жизни и свободного развития каждого человека. В таком государстве сглаживаются социальные различия, а соответствующие гарантии обеспечиваются эффективным государственным регулированием.

Впервые правило о включении времени работы государственного и муниципального служащего, замещавшего временно отсутствующего служащего, в стаж государственной и муниципальной службы, а при наличии классного чина и выслуги лет, - с выплатой соответствующей надбавки, было введено с принятием Закона «О государственной гражданской службе и муниципальной службе от 30 мая 2016 года №75, который вступил в силу со дня его официального опубликования в газете «Эркин-Тоо» 7 июня 2016 года.

Позднее, 27 октября 2021 года был принят новый Закон «О государственной гражданской службе и муниципальной службе», в соответствии с которым установлено, что стаж государственной и муниципальной службы для выплаты процентных надбавок за выслугу лет исчисляется в порядке, определяемом Президентом, трудовая деятельность по замещению временно отсутствующего служащего засчитывается в стаж государственной и муниципальной службы (части 6, 7 статьи 21).

Во исполнение этого Закона Президентом Кыргызской Республики был издан Указ от 2 февраля 2022 года УП №25, которым утверждено Положение о порядке исчисления стажа государственной службы и муниципальной службы для выплаты процентных надбавок за выслугу лет, где абзацем седьмым пункта 4 установлено, что в общий стаж государственной и муниципальной службы, дающий право на получение ежемесячной надбавки к должностному окладу за выслугу лет, включается трудовая деятельность по замещению временно отсутствующего государственного гражданского служащего и муниципального служащего начиная с 7 июня 2016 года.

Как видно из приведенной хронологии, суть оспаривания данного Положения заключается в распространении вышеуказанного правила начиная лишь с 7 июня 2016 года, что, по мнению обращающейся стороны, ухудшает положение лиц, замещавших временно отсутствовавших служащих до указанной даты, и вводит элементы неравенства для лиц с одинаковым статусом.

Вопросы введения подобных доплат выходят за пределы конституционно-правового регулирования и государство вправе решать их в зависимости от макроэкономических показателей экономики и принципов бюджетного права.

Законодатель впервые ввел правило учета времени работы государственного и муниципального служащего, замещавшего временно отсутствующего служащего, в стаж государственной и муниципальной службы с 7 июня 2016 года, соответственно, установление этой же даты оспариваемым нормативным положением в качестве начала применения данного правила для начисления доплаты за выслугу лет не может расцениваться как обстоятельство, ухудшающее положение одних субъектов по отношению к другим и содержащее фактор неравенства.

Введение оспариваемого нормативного положения законодателем и Президентом Кыргызской Республики осуществлено в рамках своих дискреций и должны рассматриваться как последовательные меры, направленные на

поэтапное улучшение положения лиц, временно замещающих отсутствующих работников, и обусловлены правовым положением государственной и муниципальной служб.

Таким образом, дифференцированный подход правового регулирования при учете трудового стажа работника в период замещения им временно отсутствующего работника для расчета ежемесячной надбавки к должностному окладу за выслугу лет в периоды до и после 7 июня 2016 года, не может расцениваться как нарушение конституционного права работников на справедливое вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и умаление ранее предоставленного права.

2.8. Решением Конституционного суда от 8 мая 2024 года пункт 8 части 1 статьи 32 конституционного Закона Кыргызской Республики «О государственном языке Кыргызской Республики» был признан не противоречащим частям 1, 2 статьи 23, части 1 статьи 24 Конституции Кыргызской Республики. *При этом были сформулированы следующие правовые позиции.*

Кыргызский язык, как конституционно-правовой атрибут государственности, играет ключевую роль в качестве важного инструмента деятельности государства, обеспечивая его уникальность. Это также объясняет, почему кыргызский язык традиционно используется народом как основное средство национального общения, подчеркивая его фундаментальное значение для культурной жизни и социального взаимодействия в стране.

Вместе с тем Конституция, проявляя уважение к историческому аспекту развития кыргызской государственности в XX веке и признавая русский язык средством взаимодействия в самом широком спектре, устанавливает его в качестве официального языка, а также гарантирует представителям всех других этносов, образующих народ Кыргызской Республики, право на создание условий для сохранения, изучения и развития родного языка.

Однако, как уже указывалось органом конституционного контроля, право на использование родного языка другими этносами не абсолютно. Оно направлено на поддержку социокультурных интересов человека, но не дает права на его неограниченное применение во всех сферах публичной жизни государства.

Конституционный принцип правового государства закладывает фундаментальные юридические основы для функционирования государства и его взаимодействия с гражданами, устанавливая общие правила поведения и рамки осуществления власти. Основным аспектом этого принципа – верховенство Конституции, в соответствии с которой принимаются конституционные законы, законы и другие нормативные правовые акты (далее – НПА) на государственном и официальном языках. При этом законодатель особо подчеркивает, что акты, изданные на государственном языке, имеют приоритет и считаются оригиналами (часть 3 статьи 10 конституционного Закона и статья 6 Закона «О нормативных правовых актах Кыргызской Республики»).

Это статусное закрепление не является лишь формальным признанием, оно предписывает, чтобы вся государственная деятельность, включая законодательную, исполнительную и судебную, осуществлялась на государственном языке.

Важной составляющей принципа правового государства является признание и гарантия защиты прав и свобод каждого человека в соответствии с Конституцией и международными нормами.

Одним из таких гарантий является конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи. Это положение подтверждает обязательство государства на установление законодательных мер общего характера по вопросам деятельности государственных органов и негосударственных институтов, задействованных в публичной юридической сфере. Оказание юридических услуг, таким образом, служит публичным интересам, и соответственно приобретает публично-правовое значение. Это делает его неотделимым от функционирования не только институтов судебной власти, но и иных государственных и негосударственных механизмов, предназначенных для разрешения всевозможных социальных конфликтов.

В этой связи государство должно обеспечить следующие условия: во-первых, создать необходимую правовую основу деятельности по оказанию квалифицированной юридической помощи; во-вторых, обеспечить доступ к оказанию этой помощи только тем лицам, квалификация которых позволяет им эффективно выполнять свои функции в интересах граждан; и в-третьих, установить четкие профессиональные и квалификационные требования для ведения адвокатской деятельности.

Таким образом, адвокаты, принимая на себя миссию по оказанию квалифицированной юридической помощи, в том числе и гарантированной государством, играют ключевую роль в реализации конституционных обязательств государства в сфере обеспечения защиты законных прав и интересов граждан.

Законодатель, принимая во внимание значимость вышеобозначенных факторов, определил порядок регулирования деятельности по оказанию квалифицированной юридической помощи в законах «Об Адвокатуре Кыргызской Республики и адвокатской деятельности» и «О гарантированной государством юридической помощи». А их целями предусмотрел реализацию прав индивидов на доступ к правосудию, обеспечение справедливого судебного разбирательства и создание более эффективной, справедливой, основанной на верховенстве права системы отправления правосудия.

Согласно вышеотмеченным актам, квалифицированная юридическая помощь включает в себя профессиональную деятельность адвоката по представительству и/или защите законных прав и интересов лиц по уголовным, гражданским, административным делам и по делам о правонарушениях на всех стадиях судопроизводства.

А как это определено в статье 4 конституционного Закона, судопроизводство должно осуществляться на государственном языке.

Установление государственного языка в качестве основного языка судопроизводства прямо вытекает из нормы Конституции о придании кыргызскому языку статуса государственного.

В данном контексте обязательное знание государственного языка адвокатами не только подчеркивает их роль в обеспечении доступа к правосудию и надлежащей защите прав и свобод участников судебного процесса, но и отражает отмеченные в настоящем Решении конституционно значимые цели.

Таким образом, требование законодателя о владении государственным языком адвокатами в рамках их служебных обязанностей диктуется с этими важными целями и не могут рассматриваться как ограничение их деятельности. Адвокаты, предоставляющие правовую помощь субъектам, находящимся в состоянии правового конфликта или обратившимся к ним со своими жизненно важными интересами и готовыми довериться им как к лицам, обладающим специальными познаниями, обязаны придавать первостепенное значение знанию законодательства на государственном языке, поскольку применение и апеллирование нормами законов и иных НПА является самым главным инструментом в его деятельности.

Также необходимо отметить, что поскольку адвокаты неотъемлемая часть общества, в котором государственный язык используется как в повседневной коммуникации, так и официальных делах, соответственно, владение ими этим языком является неизбежным для эффективного выполнения ими своих профессиональных обязанностей.

Государство заложило сохранение и развитие языковой политики в Национальную стратегию развития Кыргызской Республики до 2040 года и определило основные ее приоритетные направления и задачи в Программе развития государственного языка и совершенствования языковой политики на 2021-2025 годы (Указ Президента от 31 октября 2018 года №221, постановление Правительства от 1 октября 2020 года №510).

Среди основных задач и направлений в этих документах значится достижение полномасштабного и широкого применения государственного языка во всех сферах общественной жизни республики и укрепление правовой основы развития государственного языка.

В рамках этих усилий и был принят в новой редакции конституционный Закон «О государственном языке Кыргызской Республики», устанавливающий правовые основы осуществления государственной языковой политики, обязанности государственных органов, учреждений, организаций и органов местного самоуправления в создании условий для развития государственного языка.

Главами 12-13 конституционного Закона определены их полномочия, среди которых на Кабинет Министров возложено утверждение и обеспечение выполнения государственной программы развития государственного языка, в которой должны быть отражены основные стратегические цели и приоритетные задачи государственной политики по поддержке государственного языка в

течение соответствующего периода времени, а также планируемые меры для достижения указанных целей и задач. Указанная Программа должна разрабатываться и реализовываться с учетом установленных законом гарантий и льгот, необходимых для удовлетворения потребностей граждан Кыргызской Республики, иностранных граждан и лиц без гражданства в изучении государственного языка, для распространения его использования как в Кыргызской Республике, так и за ее пределами.

Такая регламентация гарантирует конституционные права всех других этносов, образующих народ Кыргызской Республики, особенно в аспекте поддержания разумного баланса между конституционными ценностями в процессе их взаимодействия.

Таким образом формулировка оспариваемой нормы, хотя и содержит прямое указание на обязанность адвокатов владеть государственным языком, приобретает императивный характер по мере планомерной реализации государственной программы развития государственного языка, создания объективных условий для его освоения лицами, не владеющими государственным языком, и поэтапного внедрения языковой политики во все сферы жизнедеятельности общества.

Кроме того, рассматриваемый конституционный Закон не случайно устанавливает возможность использования официального языка в судопроизводстве в соответствии с процессуальным законодательством.

Тем самым, законодатель закрепляет универсальное правило для всех участников судопроизводства, которое действует во всех формах судопроизводства.

Так, лицам, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется судопроизводство, на любой стадии путем разъяснения обеспечивается специальное право делать заявления, давать показания, заявлять ходатайства, знакомиться с материалами дела, выступать в суде, слушать судебного разбирательства на языке, которым он владеет, с возможностью пользоваться услугами переводчика.

В этой связи обеспечение права на полноценное использование официального языка или языка, которым участник процесса владеет лучше, в рамках судопроизводства является принципом, обеспечивающим равный доступ каждого гражданина к правосудию. Это означает, что никакой участник судопроизводства не должен сталкиваться с языковыми барьерами в доступе к судебной защите по причине невладения государственным языком. Поэтому такая нормативная поддержка языковых прав отвечает конституционным установлениям и предотвращает любую дискриминацию, включая по языковому признаку, поскольку гарантирует каждому участнику судебного процесса возможность полноценно понимать его ход, активно участвовать в защите своих прав и представлять свои интересы в суде на равных условиях с другими участниками.

Таким образом при существующем правовом регулировании порядка внедрения государственного языка оспариваемая норма не может быть

признана противоречащей Конституции и должна расцениваться как необходимое требование для выполнения таких публично-значимых функций, как адвокатская деятельность.

Требование владения государственным языком не является немедленно обязательным для всех адвокатов, а реализуется по мере того, как государство будет создавать все необходимые условия для его освоения. Такой подход обеспечивает справедливость в требованиях и позволяет всем заинтересованным сторонам адаптироваться к новым условиям без неоправданного давления.

2.9. Решением Конституционного суда от 21 июня 2024 года статья 62 Уголовного кодекса Кыргызской Республики (в редакции от 2 февраля 2017 года), статья 73 Уголовного кодекса Кыргызской Республики (в редакции от 1 октября 1997 года) были признаны не противоречащими статье 60 Конституции Кыргызской Республики. При этом были сформулированы следующие правовые позиции.

Государство, играя ключевую роль, устанавливает и раскрывает конституционное содержание и специфику обязанностей личности, уточняя его природу и четкие пределы в положениях действующих законов и иных нормативных правовых актов.

В связи с чем, взаимная ответственность государства и гражданина проистекает из качества правового регулирования форм его действий в законодательстве. Государство несет ответственность перед гражданами за создание условий, обеспечивающих свободное и достойное развитие личности и их защиту. Взамен, гражданин ответствен перед государством за неукоснительное исполнение своих обязанностей, возложенных на него Конституцией и законодательством. То есть, каждый гражданин, выбирая линию поведения, самостоятельно определяет его вариант, осознавая возможные правовые последствия. Это подчеркивает важность личной ответственности в применении и соблюдении действующих законов.

Законодательство по своей природе динамично и подвержено изменениям, обусловленным потребностями общества, социально-экономическими факторами и инновациями. Соответственно, действие внесенных изменений в нормативные правовые акты не распространяется на отношения, возникшие до их официального применения, что предотвращает обратное изменение прав и обязанностей граждан.

Однако следует отметить, что имеются исключения из этого правила, определенные самой Конституцией, согласно которым закон или иной нормативный правовой акт, устанавливающий новые обязанности или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет.

Это означает, что любые такие законодательные изменения применяются лишь к ситуациям, возникающим после их официального введения в действие, тем самым, обеспечивается правовая определенность и предсказуемость правовой системы, позволяя людям адаптироваться к изменениям в

законодательстве без страха перед неожиданными юридическими последствиями.

По общему правилу, закрепленному в статье 11 УК, к совершенному преступлению применяется уголовное законодательство, действовавшее в момент его совершения. Временем совершения преступления признается время совершения лицом предусмотренного законом действия или бездействия. В случаях, когда досудебное производство и судебное разбирательство по деянию, совершенному до вступления в законную силу нового уголовного закона, осуществляется после его вступления, то применяются нормы действовавшего ранее законодательства.

Между тем, Конституция, еще раз подчеркивая ценность каждой личности в жизни общества, провозглашает, что закон, устанавливающий или отягчающий ответственность лица, обратной силы не имеет. Никто не может нести ответственность за действия, которые на момент их совершения не признавались правонарушениями. Если новый закон, введенный после совершения действия, снижает наказание или иным образом смягчает ответственность, такой закон применяется ретроактивно. Данное положение включает уменьшение срока наказания, изменение квалификации деяния на менее тяжкое, которое может привести к смягчению ответственности или даже полную отмену уголовной ответственности (декриминализация). Это обеспечивает справедливость и гуманность в правоприменении, позволяя лицам, привлеченным к уголовной ответственности, воспользоваться более ленивыми положениями нового закона.

Следует отметить, что институт придания обратной силы закону имеет важное значение при применении права к делящимся отношениям. Установление правил его применения путем распространения новой нормы на факты и порожденные ими правовые последствия, возникшие до ее введения в действие (ретроактивность), либо, напротив, допустить в определенных случаях возможность применения утратившей силу нормы (ультраактивность) относится к дискреции законодателя.

Установление уголовно-правовых запретов на общественно опасные деяния и наказаний за их нарушение, а также принятие законодательных норм, которые устраняют преступность и наказуемость деяний и смягчают ответственность должно основываться на конституционных принципах демократического правового государства, включая приоритет и непосредственное действие Конституции, государственную защиту прав и свобод человека, справедливость и равенство. Эти меры служат основанием для возложения на конкретное лицо уголовной ответственности или освобождения его от таковой.

Под освобождением от уголовной ответственности понимается отказ государства от ее реализации в отношении совершившего преступление лица, его осуждения и применения к нему уголовного наказания. Применение данного института отражает важнейший принцип уголовного законодательства – гуманизм, закрепленный в статье 9 УК. Это подчеркивает социально-

правовую обоснованность концепции снисхождения государства и общества к преступнику, предпочтительности его прощения и реализации этой идеи через него.

Так, одним из правовых инструментов в рамках указанного института является срок давности, который регламентирован статьями 58 и 92 УК. Этот механизм применяется в связи с истечением сроков уголовного преследования и исполнения обвинительного приговора.

Необходимо отметить, что такая правовая возможность обусловлена как нецелесообразностью применения мер уголовной ответственности из-за уменьшения общественной опасности преступления со временем и возможностью восстановить социальную справедливость без уголовной репрессии, так и реализацией в уголовном судопроизводстве принципа гуманизма, согласно которому никто не должен находиться под угрозой применения уголовной ответственности на неограниченное нормативными пределами время.

Эта позиция также отражает элемент прагматизма, поскольку прощение и снисхождение не только снижают непосредственную ответственность, но и способствуют более широким целям восстановительной юстиции, направленным на укрепление социальных связей, тем самым подчеркивая их многоаспектное значение в рамках правовой системы.

Вместе с тем, применение срока давности не носит абсолютного характера, и возможность проявления снисхождения на его основе не означает одинаковое проявление во всех случаях.

Именно поэтому, законодатель, действуя в рамках своих дискреционных полномочий, в части 2 статьи 58 и части 3 статьи 92 УК предусмотрел оговорки, определяемые конкретными условиями.

Так, течение давности приостанавливается, если лицо, совершившее преступление, или осужденный уклонились от следствия, суда и от отбывания наказания. В этих случаях течение сроков давности возобновляется со дня задержания лица. В этом случае лицо освобождается от уголовной ответственности, если со времени совершения преступления небольшой тяжести или менее тяжкого преступления прошло десять лет. Также, сроки давности, истекшие к моменту уклонения осужденного от отбывания наказания, подлежат зачету. При этом обвинительный приговор не может быть приведен в исполнение, если со времени его вынесения прошло двадцать лет и давность не была прервана совершением нового преступления. В случае отсрочки отбывания наказания течение срока давности приостанавливается до истечения срока отсрочки.

Следует отметить, что такие меры направлены прежде всего на то, чтобы лица, уклоняющиеся от следствия, суда или отбывания наказания, не могли воспользоваться прошедшим временем как средством избежания юридической ответственности. Приостановка сроков давности в таких случаях гарантирует, что уголовное преследование будет возобновлено после задержания лица,

независимо от времени, прошедшего с момента совершения преступления или вынесения приговора.

Важно отметить, что период уклонения не засчитывается в общий срок давности, обеспечивая, таким образом, возможность правоприменения даже спустя значительное время после совершения преступления. Однако, если после задержания проходит дополнительное время, которое в сумме со временем до уклонения достигает установленного законом срока давности (десять лет для преступлений небольшой тяжести или менее тяжких), лицо может быть освобождено от уголовной ответственности. Это предполагает, что после возобновления течения срока давности и его полного истечения (учитывая все периоды до и после уклонения), если преступление по своей тяжести попадает под эту категорию, то обвиняемый может быть освобожден от ответственности, что способствует реализации принципов неотвратимости и пропорциональности наказания.

Если с момента вынесения обвинительного приговора прошло двадцать лет и срок давности не был прерван совершением нового преступления, то приговор не может быть исполнен, что подчеркивает важность временных рамок для осуществления правосудия.

Установление таких правил соотносится с реализацией принципа наказуемости, то есть превенцией, достижением социальной справедливости и исправлением виновного.

Кроме того, законодатель также установил особое правило, вовсе исключающее применение сроков давности к определенным видам преступлений (часть 6 статьи 58 и часть 6 статьи 92 УК).

Необходимо отметить, что тяжкие и особо тяжкие преступления, такие как убийство, против половой неприкосновенности и половой свободы личности в отношении детей, а также пытки, коррупция, акты терроризма, создание экстремистской организации и другие аналогичные деяния, порождают значительные социальные, моральные и психологические последствия.

В этой связи такое законодательное регулирование сроков давности, в том числе по тяжким и особо тяжким преступлениям, гарантирует социальную справедливость и служит сдерживающим фактором, предотвращая осознанное уклонение от наказания. Оно имеет значительные долгосрочные последствия для системы правосудия и «здорового» общества в целом, тем самым подчеркивая неприемлемость безнаказанности за серьезные деяния.

Это также демонстрирует ответственность государства защищать права и интересы каждого и поддерживать верховенство закона, независимо от времени, прошедшего после преступления, обеспечивая, что жертвы этих тяжких преступлений увидят, что правосудие в итоге восторжествует.

Таким образом, как отмечено в настоящем Решении, институт сроков давности – это, прежде всего, проявление снисхождения со стороны государства. Меняя правила применения института срока давности, оно исходит из конкретного состояния общества на тот или иной период его

развития, учитывая состояние правосознания и правопорядка, уровень преступности и актуальные вызовы. Однако это не предполагает создание почвы для злоупотреблений правонарушителями своими процессуальными правами и использования данного правового инструмента в своих интересах.

В этой связи, институт сроков давности не может рассматриваться как смягчающие уголовно-правовые последствия противоправного деяния, соответственно, он не подпадает под правила, предусмотренные частью 1 статьи 60 Конституции, поскольку не затрагивает вопросы уменьшения срока наказания за конкретное преступное деяние, изменение его квалификации на менее тяжкое и не приводит к смягчению ответственности или же полную отмену уголовной ответственности (декриминализации).

Исходя из конституционно-правового смысла части 5 статьи 6, части 1 статьи 60 Основного Закона, институт сроков давности функционирует лишь в соответствии с действующими правилами уголовного закона на момент применения. Правильное применение данного института позволит адекватно реагировать на изменения в обществе, поддерживать законность и правопорядок.

Конституционный суд приходит к выводу, что статья 62 УК 2017 года и статья 73 УК 1997 года не подлежат применению в силу вышеизложенных правовых позиций мотивировочной части настоящего Решения.

2.10. Решением Конституционного суда от 2 октября 2024 года подпункты а), б) пункта 1 части 1, часть 2 статьи 146 Налогового кодекса Кыргызской Республики были признаны не противоречащими частям 4, 5 статьи 29, части 2 статьи 63 Конституции Кыргызской Республики. *При этом были сформулированы следующие правовые позиции.*

Конституция Кыргызской Республики гарантирует каждому неприкосновенность его частной жизни, не допускает сбор, хранение, использование и распространение конфиденциальной информации, информации о частной жизни человека без его согласия, кроме случаев, установленных законом, а также защиту, в том числе судебную, от неправомерного вторжения в частную жизнь человека с правом на возмещение материального и морального вреда (части 1, 4, 5 статьи 29 Конституции).

Частная жизнь человека включает в себя не только его мысли и эмоции, убеждения и внутренние переживания, отношения с близкими и иными людьми, которые он предпочитает держать в пределах собственного пространства, но и представляет из себя гораздо более широкий концепт, охватывающий в том числе всю информацию личностного характера.

К таким, безусловно, относятся персональные данные о человеке: его имя, адрес проживания, сведения, идентифицирующие его в цифровом пространстве, а также определяющие его материальное положение, биографические факты, медицинская информация и другие.

Неприкосновенность частной жизни – это сложный по составу правовой институт, включающий ряд отдельных правомочий индивида: запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица

без его согласия, право контролировать информацию о себе, право на защиту чести и доброго имени, на защиту своих персональных данных и сведений о своем материальном положении.

По своей сути, наличие индивидуальной свободы усмотрения и неприкосновенности частной жизни является одним из основополагающих показателей функционирования демократии в стране.

Государство гарантирует каждому защиту персональных данных. Доступ к персональным данным граждан, их получение осуществляются только в предусмотренных законом случаях (часть 2 статьи 63).

Сущность защиты персональных данных заключается в обеспечении конфиденциальности, точности, их актуальности и полноты, а также предотвращении несанкционированного доступа, утечек или изменения, чтобы личные данные были доступны только тем, кто имеет на это законные основания.

Вместе с тем, право на защиту персональных данных в конституционно-правовом значении не может иметь абсолютного характера, соответственно, допускается возможность ее ограничения в случаях, предусмотренных законом, в целях достижения гарантированного результата от деятельности государственных органов при выполнении возложенных на них задач, результаты которых направлены на развитие общего благосостояния общества (часть 1 статьи 5, часть 1 статьи 19 Закона «Об информации персонального характера»).

Вместе с тем, граждане наделены не только правами и свободами, но и обременены конституционно-правовыми обязанностями, которые имеют общегосударственное значение, от исполнимости которых зависит благосостояние всего общества.

Каждый обязан соблюдать Конституцию и законы, уважать права, свободы, честь и достоинство других лиц. Защита Отечества – священный долг и обязанность граждан Кыргызской Республики. Каждый обязан охранять и бережно относиться к окружающей природной среде, растительному и животному миру. Ответственность за обеспечение необходимых для развития ребенка условий жизни возлагается на каждого из родителей, опекунов и попечителей. Трудоспособные, совершеннолетние дети обязаны заботиться о родителях. Каждый обязан платить налоги и сборы в случаях и порядке, предусмотренных законом (часть 2 статьи 26, часть 3 статьи 27, часть 3 статьи 49, статья 50, часть 3 статьи 53, часть 1 статьи 54 Конституции).

Эти обязанности отражают стремление Конституции обеспечить гармонию между правами граждан, их обязанностями и интересами общества в целом.

При этом, особо следует отметить, что публично-правовая обязанность каждого платить налоги и сборы обусловлена природой государственной власти, пониманием налогов в качестве фундаментального элемента финансовой основы деятельности всего государства. Поэтому не случайно, налоговые правоотношения основываются на властных инструментах и

характеризуются применением императивных норм в отраслевом законодательстве. Наряду с этим, органы публичной власти наделяются правомочием в односторонне-властном порядке путем государственного принуждения взыскивать с лица причитающиеся налоговые суммы, а налогоплательщик обязан внести определенный взнос в бюджет государства в виде уплаты соответствующих налогов.

Признавая за государством право устанавливать и вводить налоги на всей его территории, следует понимать, что налоговая система функционирует не только и не столько в интересах собственно государства, сколько в интересах всего общества и каждого ее члена. С одной стороны, налоги представляют собой основной источник доходов государства, необходимых ему для осуществления своих функций, а, с другой, важнейшей задачей при установлении налогов является обеспечение сбалансированности между интересами государства и плательщика налогов.

Одним из контрольных механизмов, направленных на своевременное исполнение каждым указанного бремени, выступает обязанность банков и платежных организаций/операторов платежных систем предоставлять налоговым органам информацию об их клиентах на основании соответствующего запроса, а также в режиме реального времени.

Оспариваемые положения подпунктов а), б) пункта 1 части 1 статьи 146 НК, закрепляющие право налоговых органов требовать от банка необходимую информацию об открытии, закрытии и наличии счетов налогоплательщиков с указанием их номеров, об операциях, проводимых на счетах организаций и индивидуальных предпринимателей, информацию о текущем состоянии их счетов при наличии мотивированного запроса, а также положение части 2 статьи 146 НК, устанавливающее обязанность банков и платежных организаций/операторов платежной системы по передаче налоговым органам в режиме реального времени информации о совершенных платежах физических и юридических лиц имеют под собой объективные и не противоречащие Конституции основания. Конституционный суд Кыргызской Республики приходит к такому заключению основываясь на следующих выводах.

В условиях быстрорастущего объема платежей и расширения интернет-торговли, а также в связи с возрастанием технологических и технических возможностей субъектов предпринимательства имеет место тенденция устойчивого увеличения количества безналичных розничных платежей. В рамках безналичных платежей существуют различные платежные инструменты, такие как дебетовые и кредитные карты, мобильный банкинг, электронные кошельки, широко применяются QR коды и POS терминалы при оплате товаров и услуг, которые позволяют всем клиентам банков переводить значительную часть своих платежей в безналичную сферу, существенно экономить свои время и средства.

Однако появление новых платежных инструментов и активный переход населения на безналичную форму оплаты несет в себе также риски для системы налогового администрирования деятельности субъектов предпринимательства,

поскольку недобросовестные предприниматели могут манипулировать этими обстоятельствами с целью уклонения от уплаты налогов, что чревато уходом денежных потоков субъектов предпринимательства в тень.

Именно такая постановка вопроса усматривается в логике законодателя в действующем содержании части 2 статьи 146 НК, которая позволяет налоговым органам видеть и анализировать все сомнительные финансовые операции, содержащие определенные риски.

При этом, необходимо отметить, что действие отмеченной нормы, ограничивается лишь выявлением сомнительных финансовых операций с фактором риска, так как программно-аппаратный комплекс посредством которого реализуется получение информации налоговыми органами в режиме реального времени автоматически отбирает нужную информацию на основании заранее заданных критериев, и все дальнейшие действия государственных органов по таким операциям, связанные с запросом иной информации должны санкционироваться решением суда.

Государственная налоговая служба при Министерстве финансов Кыргызской Республики в соответствии с Законом «Об информации персонального характера» является держателем (обладателем) массива персональных данных и зарегистрирована в Реестре держателей массивов персональных данных.

Положения Конституции, предопределяющие глубину проникновения государственных органов и их должностных лиц в сферу частной жизни граждан, обуславливают и возлагаемые на уполномоченный налоговый орган обязанности, в том числе в отношении информации о частной жизни, ставшей ему известной в связи с осуществлением им своих полномочий. Так, законодательство обязывает государственные органы – держателей массива персональных данных – использовать предоставленные им права в соответствии с законом и не допускать в своей деятельности ущемления прав и законных интересов граждан и организаций, что предполагает недопустимость разглашения ставших им известными в связи с выполнением своих функций сведений о банковских вкладах. Если гражданин, в отношении которого истребуются сведения о вкладах в банках, иных кредитных организациях, полагает, что его права и свободы нарушены, он вправе обжаловать действия должностных лиц вышестоящему должностному лицу, либо обратиться за их защитой в суд; за совершенные проступки и правонарушения должностные лица государственных органов несут ответственность в соответствии с законодательством; ущерб, причиненный ими гражданам и организациям, подлежит возмещению в порядке, предусмотренном гражданским законодательством.

Таким образом, взаимосвязанные положения пунктов 1, 2 статьи 146 НК в части, касающейся обязательности для банков и платежных организаций/операторов платежных систем требований уполномоченного налогового органа о предоставлении ему – в связи с исполнением его задач и функций – сведений о денежных вкладах физических лиц, организаций, в их

конституционно-правовом истолковании означают, что уполномоченный налоговый орган, действуя в рамках публичной функции по осуществлению контроля за исполнением всеми субъектами налоговых обязательств, вытекающих из конституционной обязанности платить налоги, вправе требовать предоставления сведений о банковском вкладе лиц, а банк, иная платежная организация/оператор платежной системы обязаны предоставить такие сведения в пределах, установленных законом.

Вместе с тем, информация о наличии банковских счетов и информация по движению денежных средств по счету должна, в первую, очередь, рассматриваться с точки зрения отнесения такой информации к банковской тайне, а не к информации персонального характера, поскольку информация, отнесенная к банковской тайне, возникает из взаимоотношений между банком и клиентом, а информация персонального характера возникает из множества сфер жизни человека и понятие «информация персонального характера» носит обобщенный характер.

Так, Конституция осуществляет первичную легализацию таких специальных правовых режимов информации, как государственная тайна, тайна частной жизни, личная и семейная тайна, тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ряд введенных законодателем специальных режимов информации в Конституции не установлены, но по смыслу и направленности тесно связаны с приведенными конституционными режимами информации.

Тем самым Конституция определяет основы правового режима и законодательного регулирования банковской тайны как условия свободы экономической деятельности, вытекающей из природы рыночных отношений, и гарантии права граждан на свободное использование своего имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, а также как способа защиты сведений о частной жизни граждан, в том числе об их материальном положении, и защиты личной тайны.

При этом следует воздержаться от расширительного толкования понятия банковской тайны, поскольку Конституция не защищает режимом тайны сведения, свидетельствующие о совершении правонарушения или преступления. Следовательно, конституционный режим тайны относится исключительно к тем предметам и документам, которые получены легитимным путем. Наличие признаков преступления дает достаточные основания для выведения информации из режима тайны.

Между тем, необходимо отметить и мировую тенденцию отступления от банковской тайны, как от некоего абсолюта, путем предоставления кредитными организациями сведений о счетах и вкладах физических лиц уполномоченным государственным органам. Обусловливается такая тенденция прежде всего тем, что возрастает роль борьбы с преступностью, направленного главным образом к противодействию финансированию терроризма и отмыванию полученных преступным путем доходов, к выявлению налоговых и иных финансовых преступлений, в связи с чем недопустимо рассматривать банковскую тайну как

большую ценность в сопоставлении с законным публичным интересом в расследовании противоправных деяний.

Так, закрепление в законе отступлений от банковской тайны – исходя из конституционного принципа демократического правового государства, обязанности государства соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина как высшую ценность и обеспечивать их баланс в законодательстве и правоприменении, верховенства Конституции и ее высшей юридической силы, свободы экономической деятельности и свободного предпринимательства – не может быть произвольным.

Такие отступления должны отвечать требованиям справедливости, быть адекватными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе частных и публичных прав и интересов граждан. Они не должны затрагивать существо соответствующих конституционных прав, то есть не ограничивать пределы и применение основного содержания закрепляющих эти права конституционных положений, и могут быть оправданы лишь необходимостью обеспечения национальной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения, защиты прав и свобод других лиц.

Государство, обладая монополией на легальное применение различных методов принуждения по отношению ко всему обществу и к каждому его члену, не может обойтись без строгой регламентации такой деятельности, в том числе посредством введения определенных ограничений и запретов, направленных на исключение произвола поведения и иного неправомерного поведения со стороны лиц, наделенных государственно-властными полномочиями, строго соблюдая тонкий баланс между интересами государства и личности.

Из вышеизложенного вытекает, что при дальнейшей детальной регламентации в подзаконных актах порядка взаимодействия органов налоговой службы с банками и платежными организациями/операторами платежных систем вытекающего из положения части 2 статьи 146 НК необходимо установить алгоритм действий, исключая человеческий фактор и всякого рода злоупотребления со стороны государственных органов.

Таким образом, действие оспариваемых положений НК Конституционным судом расцениваются как ограничение права на банковскую тайну соразмерное публичным интересам общества и конституционно значимым целям, одной из которых является эффективное налоговое администрирование.

2.11. Решением Конституционного суда от 13 ноября 2024 года пункт 7 статьи 129, пункт 3 части 2 статьи 131 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики были признаны не противоречащими частям 1, 2, 4, 5, 6 статьи 23, части 2 статьи 24, частям 1, 2 статьи 56, части 1 статьи 61, части 3 статьи 100 Конституции Кыргызской Республики.

Вместе с тем, пунктом 2 данного Решения предложено Кабинету Министров Кыргызской Республики внести соответствующие изменения в действующее правовое регулирование, вытекающие из мотивировочной части

названного Решения. *При этом были сформулированы следующие правовые позиции.*

Право быть уведомленным о судебном заседании является одним из фундаментальных элементов правосудия, вытекающим из принципа справедливого суда, обеспечивающее участие сторон в процессе и защиту их прав. Соблюдение этого права в Кыргызской Республике, в контексте реализации конституционного права каждого на судебную защиту, гарантирует справедливость и прозрачность судебных процедур, а также выступает важным условием для укрепления верховенства права и доверия к судебной системе (часть 1 статьи 61 Конституции).

Гарантия права индивида быть уведомленным о судебном разбирательстве находится в тесной взаимосвязи с такими базовыми принципами правосудия как справедливое судебное разбирательство – все стороны должны быть надлежащим образом уведомлены и иметь возможность участвовать в процессе на равных условиях; гласности судебного разбирательства – процесс должен быть прозрачным и доступным для участников; процессуальной экономии – надлежащее уведомление сторон должно эффективно использовать ресурсы суда и сторон процесса, минимизируя случаи злоупотребления правом, расходов времени и других ресурсов.

Судопроизводство может быть эффективно осуществлено при непосредственном участии сторон. Это означает, что суд обязан лично оценивать доказательства, заслушивать показания сторон и свидетелей, а также воспринимать информацию, представленную непосредственно в ходе судебного заседания. Такой подход позволяет суду полноценно и объективно оценить обстоятельства дела, установить факты и принять обоснованное решение.

Вместе с тем, в гражданском судопроизводстве существуют допустимые исключения, когда суд может рассмотреть дело без участия одной стороны или сторон (процедура на основе письменных материалов, заочное производство). Эти исключения направлены на защиту прав и интересов истца и своевременного разрешения гражданских дел судами.

Существование таких исключений в гражданском процессуальном законодательстве все же обусловлено необходимостью надлежащего уведомления сторон о судебном разбирательстве, в особенности ответчика, о начавшемся в отношении него судопроизводстве. В ситуации неуведомленной стороны, чаще всего, выступает ответчик, так как судебное рассмотрение инициирует истец, и он же предоставляет суду информацию о месте нахождения ответчика. Отсутствие извещения о начале судебного процесса в отношении ответчика, о процессуальных обстоятельствах, влияющих на исход дела, о которых он не был уведомлен, создает негативную ситуацию, при которой ставится под сомнение справедливость всего судебного разбирательства.

Надлежащее уведомление сторон подразумевает соблюдение двух взаимосвязанных условий – фиксирование факта отправки судебного извещения и факта вручения судебного извещения адресату. Отсутствие

доказательств надлежащего извещения ответчика может стать основанием для отмены судебного решения.

В этой связи, суды, согласно гражданскому процессуальному законодательству, используют различные способы осуществления уведомления сторон о судебном разбирательстве (статья 128 ГПК). Среди них основным и обязательным способом уведомления сторон выступает почтовая корреспонденция (заказные письма с уведомлением о вручении адресату). Другие способы уведомления, такие как сообщения телефонограммой, телеграммой, по факсимильной связи или электронной почте либо с использованием иных средств связи могут быть использованы судом только при согласии стороны о направлении им сообщений посредством указанных способов.

При таком правовом регулировании истец может находиться в более выгодном положении, поскольку при предъявлении искового заявления он может выразить свое согласие на информирование его различными способами, нежели ответчик, который может быть уведомлен только посредством почтовой корреспонденции.

В условиях стремительного развития информационных и коммуникационных технологий, способных фиксировать факт доставки и получения информации, суд должен иметь возможность и обладать правомочием использовать всевозможные способы информирования сторон, чтобы уведомление достигло адресата. Для этого государство должно обеспечить суд возможностью их использования для выполнения им конституционно обусловленных задач и функций по осуществлению правосудия. Невозможность использования судом каналов связи или их законодательное ограничение может нарушить принципы правосудия и тем самым привести к ограничению права граждан на судебную защиту.

В этой связи Конституционный суд считает, что существующая система судебных уведомлений нуждается в совершенствовании правового регулирования действующих механизмов с учетом современных технических достижений.

Для превенции в сдерживании власти государства выступает конституционная обязанность граждан соблюдать Конституцию и законы, уважать права, свободы, честь и достоинство других лиц (часть 3 статьи 53). Конкретизация этой обязанности заключается в том, что граждане обязаны исполнять требования закона и следовать судебным актам. В широком смысле сбалансированные гарантии реализации конституционных прав и свобод граждан наравне с осознанным соблюдением ими конституционных обязанностей формируют условно модель законопослушного гражданина, характеризующегося сознательным и добровольным соблюдением законодательства, уважением к судебной власти и участием в поддержании правопорядка. Такой гражданин не только выполняет свои правовые обязательства, но и активно помогает судебной системе в осуществлении правосудия.

В данном контексте оспариваемая норма ГПК, предусматривающая указание на обязанность лица, принявшего извещение (повестку) в связи с отсутствием адресата, при первой возможности вручить его адресату (пункт 7 статьи 129), по своей сути, является судебным требованием, вытекающим из судебного акта, и оформленным в структуре судебного извещения (повестки). Гражданин, не будучи вовлеченным в судебное разбирательство, действующий как посредник в передаче уведомлений, обременяется ответственностью за выполнение порученной ему задачи. Такая обязанность вытекает из его конституционной обязанности соблюдать законы и, соответственно, судебные акты, как инструменты, непосредственно реализующие правовые начала.

В этой связи, наделение законодателем таких лиц обязанностью передать судебное извещение адресату при первой же возможности в случае отсутствия его по месту жительства или по месту пребывания, не выходит за рамки призыва к выполнению обычного гражданского долга, вытекающего из модели законопослушного гражданина, и соответственно, не может расцениваться как обременение лица несоразмерными обязанностями.

Кроме того, законодателем предусмотрена юридическая ответственность за неисполнение законов и судебных актов, которая направлена на достижение целей правового государства и непосредственно верховенства закона.

Таким образом, оспариваемая норма, наделяющая обязанностью других лиц, не являющихся участниками судебного разбирательства, передать судебные извещения непосредственно адресату в случае его отсутствия во время передачи извещения, направлена на широкое вовлечение граждан в обеспечение правопорядка, не умаляет и не отменяет право ответчика быть уведомленным и в целом его права на судебную защиту.

Конституция гарантирует каждому право на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах территории Кыргызской Республики (часть 1 статьи 31). Это право является одним из фундаментальных прав человека и свидетельствует о высокой ценности личной свободы и независимости граждан. Однако, несмотря на эти гарантии свободы, фиксация места жительства является важной процедурой, напрямую влияющей на реализацию конституционных прав и выполнение гражданских обязанностей.

Обязательная регистрация гражданина по месту жительства или месту пребывания имеет важное значение в контексте обеспечения права быть уведомленным о судебном заседании. Она позволяет судам и иным государственным органам иметь достоверные данные о фактическом месте нахождения лица, вовлеченного в судебное разбирательство. Такая необходимость вытекает из обязанности суда направить ему уведомления о предстоящих судебных заседаниях и иных процессуальных действиях. Регистрация также служит механизмом, препятствующим злоупотреблениям со стороны участников процесса, в том числе преднамеренным уклонением от получения уведомлений или манипуляцией адресом для затягивания судебного разбирательства.

При изменении места жительства гражданин обязан, через

государственный портал электронных услуг или мобильное приложение, обратиться в уполномоченный орган в сфере регистрации населения для осуществления регистрационного учета (часть 1 статьи 16 Закона «О внутренней миграции»).

При таких обстоятельствах оспариваемая норма, признающая надлежащим уведомлением не вручение судебного извещения адресату по причине его отсутствия по последнему известному суду адресу (пункт 3 части 2 статьи 131 ГПК), расценивается как допустимое законоположение при соблюдении гражданами как своих конституционных прав, так и вытекающих из Конституции обязанностей, где не соблюдение обязанности по своевременной регистрации места жительства и места пребывания может повлиять на гарантии реализации их прав и свобод, в том числе и права на судебную защиту.

В этой связи Конституционный суд расценивает оспариваемое правовое регулирование, предусмотренное в пункте 3 части 2 статьи 131 ГПК, в совокупности с вышеуказанными обстоятельствами и обязанностями гражданина иметь документы, удостоверяющие его личность, быть зарегистрированным по месту фактического его проживания, как объективно возможное в сложившейся ситуации, и не нарушающее конституционные установления в части обеспечения права каждого на справедливое правосудие и права на судебную защиту.

Данное решение направлено для дальнейшего рассмотрения в Кабинет Министров Кыргызской Республики письмом суда от 30 декабря 2024 года №03/943.

3. Заключение

В рамках осуществления контроля за конституционностью нормативных правовых актов из 11 решений Конституционного суда в 2024 году 4 решения или почти треть касается уголовного законодательства, по 1 – гражданского процессуального и административно-процессуального, налогового законодательства, законов о государственном языке и поддержке кинематографии, Указа Президента Кыргызской Республики и постановления Кабинета Министров Кыргызской Республики.

Конституционным судом за отчетный период также принято 14 постановлений по результатам рассмотрения жалоб на определение коллегии судей, а также о внесении изменений во внутренние нормативные акты. Принято одно постановление, связанное с разъяснением Решения Конституционного суда в связи с обращением председателя Верховного суда Кыргызской Республики.

В 2 из 11 принятых Конституционным судом решений оспариваемые нормы были признаны противоречащими или частично противоречащими Конституции либо из них вытекала необходимость устранения пробела в правовом регулировании. По итогам рассмотрения 9 дел Конституционный суд

своим решением признал оспариваемые нормативные правовые акты не противоречащими Конституции.

4. Обзор исполнения решений Конституционного суда

3.1. Одним из важнейших показателей состояния конституционной законности в государстве является полное и своевременное исполнение решений Конституционного суда, свидетельствующее об ответственном отношении государственных органов и должностных лиц, вовлеченных в процесс обеспечения исполнения решений Конституционного суда, эффективности и действенности конституционного правосудия, реализации конституционных гарантий защиты прав и свобод граждан, прав и законных интересов организаций.

Конституционный суд является правопреемником Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики (далее – Конституционная палата) (статья 62 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики»). Все решения Конституционной палаты, принятые до вступления в силу Конституции от 5 мая 2021 года, подлежат исполнению в установленном законодательством порядке.

Соответственно, на 31 декабря 2024 года с учетом решений Конституционной палаты (с 1 июля 2013 года), органом конституционного контроля было принято 158 решений и 1 заключение.

Анализ информации, предоставляемой Министерством юстиции Кыргызской Республики в силу исполнения им пункта 81¹ Регламента Кабинета Министров Кыргызской Республики, утвержденного постановлением Кабинета Министров Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года №233, нормотворческими органами, чьи акты явились предметом рассмотрения Конституционного суда, показывает, что из 65 решений, предусматривающих необходимость внесения изменений в законодательство, остаются не исполненными следующие 10 решений.

За 2015 год.

1. Решение от 27 ноября 2015 года по делу о проверке конституционности нормативного положения части 11 статьи 22 конституционного Закона Кыргызской Республики «О выборах Президента Кыргызской Республики и депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики».

Министерством юстиции Кыргызской Республики разработан проект конституционного Закона «О внесении изменения в конституционный Закон Кыргызской Республики «О выборах Президента Кыргызской Республики и депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики», который одобрен постановлением Правительства Кыргызской Республики от 7 сентября 2018 года №418 и внесен в Жогорку Кенеш Кыргызской Республики 13 сентября 2018 года.

Учитывая позицию депутатов парламента, данный проект был отозван Кабинетом Министров Кыргызской Республики 3 мая 2023 года для дальнейшей его доработки.

Находится на исполнении в Кабинете Министров, ответственный орган – Министерство юстиции Кыргызской Республики.

За 2016 год.

2. Решение от 2 ноября 2016 года по делу о проверке конституционности части 5 статьи 15, частей 3, 5, 7 статьи 21, пунктов 1-5 части 1 статьи 22 Закона Кыргызской Республики «О противодействии организованной преступности».

В рамках проводимой масштабной инвентаризации законодательства законопроект был доработан на предмет соответствия принятой Конституции Кыргызской Республики и международным договорам, участницей которых является Кыргызская Республика, а также кодексам.

11 марта 2022 года за №АП-1/263 внесен на рассмотрение в Администрацию Президента Кыргызской Республики и в последующем внесен в Жогорку Кенеш Кыргызской Республики.

Рассмотрен Комитетом по правопорядку, борьбе с преступностью и противодействию коррупции Жогорку Кенеша Кыргызской Республики 13 сентября 2022 года.

Однако позже был отозван на основании письма Председателя Кабинета Министров Кыргызской Республики от 30 декабря 2022 года №14–64329 для дальнейшей его доработки до завершения работы межведомственной рабочей группы, созданной распоряжением Президента Кыргызской Республики от 14 ноября 2022 года №220.

Находится на исполнении в Кабинете Министров Кыргызской Республики, ответственный орган – МВД Кыргызской Республики.

За 2022 год.

3. Решение от 29 июня 2022 года по делу о проверке конституционности частей 1, 2 статьи 87 Налогового кодекса Кыргызской Республики.

Министерством юстиции Кыргызской Республики разработан проект Закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Кыргызской Республики (в Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики, Налоговый кодекс Кыргызской Республики)». Внесен в Жогорку Кенеш Кыргызской Республики и был отозван перед рассмотрением Комитета по конституционному законодательству, государственному устройству, судебно-правовым вопросам и Регламенту Жогорку Кенеша Кыргызской Республики в целях доработки.

Повторно разработанный проект Закона «О внесении изменения в Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики» был внесен

Кабинетом Министров в Жогорку Кенеш Кыргызской Республики 18 сентября 2023 года за №28-7685.

Рассмотрен Комитетом по конституционному законодательству, государственному устройству, судебно-правовым вопросам и Регламенту Жогорку Кенеша 31 октября 2023 года.

Отклонен Жогорку Кенешем Кыргызской Республики на стадии первого чтения 15 ноября 2023 года.

Находится на исполнении в Кабинете Министров Кыргызской Республики, ответственный орган – Министерство юстиции Кыргызской Республики.

За 2023 год.

4. Решение от 3 мая 2023 года по делу о проверке конституционности абзаца второго части 1 статьи 9 Закона Кыргызской Республики «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих и военнообязанных, призванных на учебные и специальные сборы, и приравненных к ним лиц».

Министерством юстиции Кыргызской Республики разработан проект Закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Кыргызской Республики (в Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики, Закон Кыргызской Республики «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих и военнообязанных, призванных на учебные и специальные сборы, и приравненных к ним лиц»)».

Данный проект Закона направлен Кабинетом Министров в Жогорку Кенеш Кыргызской Республики 29 августа 2024 года за №14-7517 и находится на рассмотрении в парламенте.

Отозван для дальнейшей доработки, исх. АПКР №4-610 от 22 января 2025 года.

Находится на исполнении в Кабинете Министров Кыргызской Республики, ответственный орган – Министерство юстиции Кыргызской Республики.

5. Решение от 23 мая 2023 года по делу о проверке конституционности части 1 статьи 138 Закона Кыргызской Республики «О Регламенте Жогорку Кенеша Кыргызской Республики».

Ответственным по данному решению Конституционного суда является Жогорку Кенеш Кыргызской Республики.

Находится на стадии проработки в аппарате Жогорку Кенеша Кыргызской Республики.

6. Решение от 7 июня 2023 года по делу о проверке конституционности частей 2, 3 статьи 17 Закона Кыргызской Республики «О некоммерческих организациях».

Министерством юстиции Кыргызской Республики разработан проект Закона «О внесении изменений в законодательные акты Кыргызской

Республики по вопросам отчетности отдельных некоммерческих организаций».

Данный проект Закона направлен Кабинетом Министров в Жогорку Кенеш Кыргызской Республики (вх. №6-23884/24 от 5 марта 2024 года).

Отклонен постановлением Жогорку Кенеша Кыргызской Республики №2148-VII от 6 июня 2024 года.

Находится на исполнении в Кабинете Министров, ответственный орган – Министерство юстиции Кыргызской Республики.

7. Решение от 15 ноября 2023 года о проверке конституционности второго предложения части 3 статьи 60¹ конституционного Закона Кыргызской Республики «О выборах Президента Кыргызской Республики и депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики».

Президентом Кыргызской Республики по предложению Центризбиркома инициирован проект конституционного Закона «О внесении изменений в конституционный Закон Кыргызской Республики «О выборах Президента Кыргызской Республики и депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики» и внесен в Жогорку Кенеш Кыргызской Республики.

Парламент 30 октября и 12 декабря 2024 года, 29 января 2025 года принял данный конституционный Закон соответственно в первом, втором и третьем чтениях.

8. Решение от 22 ноября 2023 года о проверке конституционности статей 218 и 303 Трудового кодекса, постановления Правительства Кыргызской Республики «О Перечне производств, работ, профессий и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых запрещается применение труда женщин».

Конституционный суд признал оспариваемые нормы не противоречащими Конституции. Одновременно данным Решением предусматривается Кабинету Министров обеспечить на систематической основе обоснованность наличия видов производств, работ, профессий и должностей в Перечне производств, работ, профессий и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых запрещается применение труда женщин, утвержденном постановлением Правительства Кыргызской Республики от 24 марта 2000 года №158.

Решение направлено для дальнейшего рассмотрения в Кабинет Министров письмом суда от 9 января 2024 года №03/12 и находится на рассмотрении в Кабинете Министров Кыргызской Республики.

За 2024 год.

9. Решение от 6 марта 2024 года по делу о проверке конституционности части 8 статьи 110 Административно-процессуального кодекса Кыргызской Республики.

Министерством юстиции Кыргызской Республики разработан проект Закона «О внесении изменения в Административно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики».

Данный проект Закона направлен Кабинетом Министров в Жогорку Кенеш Кыргызской Республики 26 августа 2024 года за №28-7382 и находится на рассмотрении в парламенте.

Принят Жогорку Кенешем Кыргызской Республики в первом, втором и третьем чтениях соответственно 18 октября, 11 декабря 2024 года и 29 января 2025 года.

10. Решение Конституционного суда от 13 ноября 2024 года по делу о проверке конституционности пункта 7 статьи 129, пункта 3 части 2 статьи 131 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики.

Данное решение направлено для дальнейшего рассмотрения в Кабинет Министров Кыргызской Республики письмом суда от 30 декабря 2024 года №03/943.

Министерством юстиции Кыргызской Республики разработан проект Закона Кыргызской Республики «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики».

Находится на стадии разработки и продвижения.

Таким образом в порядке исполнения 10 решений Конституционного суда Кыргызской Республики, принятых в рассматриваемых периодах времени, на рассмотрении на различных стадиях находятся:

- в Жогорку Кенеше Кыргызской Республики 2 проекта закона;
- в Кабинете Министров Кыргызской Республики 7 проектов законов, в том числе по исполнению решений суда от 27 ноября 2015 года, 2 ноября 2016 года и 3 мая 2023 года (отозваны Кабинетом Министров), 29 июня 2022 года и 7 июня 2023 года (отклонены Парламентом), от 22 ноября 2023 года и 13 ноября 2024 года;
- в аппарате Жогорку Кенеша Кыргызской Республики 1 проект закона.